

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Рано утром Ельцина
разбудила дочь
Татьяна. Она
вбежала в его
комнату с криком:
– Папа, вставай!
Переворот!..*

Чингиз Абдуллаев

Распад
Разорванный
август

Распад

Чингиз Абдуллаев

Разорванный август

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Разорванный август / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Распад)

Недолго проработал Эльдар Сафаров инструктором административного отдела компартии при МВД СССР. Бурное время начала 90-х несло молодого выходца из Баку все выше и выше по карьерной лестнице. И вот его уже приглашают работать в администрацию президента СССР. Мог ли знать бывший следователь и успешный юрист, что наступили последние месяцы его служения стране, которую он считал своей родиной? Девяносто первый год катком проедет по нему и миллионам граждан СССР, заставив их задуматься, что же произошло в том августе: великое благо или великое преступление?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Чингиз Абдуллаев

Распад. Разорванный август

Я считаю, что двадцатый век закончился 19—21 августа 1991 года.

Борис Ельцин. «Записки Президента»

Самое страшное для политика – это в решающий момент не принимать никаких политических решений.

Али Эфенди

В политике невозможно сохранять даже относительное беспристрастие. Жизнь все равно сделает вас либо консерватором, либо оппозиционером. Поэтому старайтесь оценивать факты без предвзятости. Я знаю много людей, которые рьяно отстаивают то или иное суждение, выдвинутое их партией, и безжалостно осуждают то же самое суждение, если его выдвигает противник. Учтите, что безумие и ненависть никогда не являлись двигателями политики.

Андре Моруа

*Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить? Иль не порукой
Нам скрытность римлян, что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?»*

Уильям Шекспир. «Юлий Цезарь»

Глава 1

Первого июля был понедельник. Утром Эльдара Сафарова вызвал заведующий отделом и предупредил, что в одиннадцать тридцать его примет секретарь ЦК. За десять минут до назначенного времени Эльдар уже находился в приемной. Ждать пришлось недолго – уже через четырнадцать минут его принял Шенин. Он внимательно, словно в первый раз, посмотрел на стоявшего перед ним молодого инструктора и приветливо улыбнулся:

– Садитесь, Сафаров. Говорят, что, работая у нас больше полугода, вы показали себя с самой лучшей стороны.

Эльдар промолчал. В таких случаях возражать глупо, подтверждать мнение начальства – еще глупее, поэтому лучше молчать.

– И с руководством московской милиции вы неплохо разобрались, – продолжал Шенин. – Шилов остался работать ее начальником согласно указу президента страны, а Моссовету и российскому МВД не удалось пробить свою кандидатуру.

– Я считал, что указ президента страны является обязательным для исполнения всеми гражданами нашей страны, – ответил Сафаров.

– Правильно считали. Так и должно быть. Вы же профессиональный юрист, работали в прокуратуре. Я говорил о вас Михаилу Сергеевичу. В его аппарате сейчас особенно нужны толковые юристы. Сегодня в два часа вас будет ждать руководитель его администрации Валерий Иванович Болдин. Если вы им понравитесь, то вполне возможно, что вас в ближайшее время переведут к ним в аппарат. Вы, наверное, знаете, что сейчас они готовят проект Союз-

ного договора, и им очень нужны специалисты с юридическим образованием. Тем более прошедшие такую школу, как вы.

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, – пробормотал немного ошеломленный Эльдар.

– Идите, – разрешил Шенин, – и подготовьтесь к беседе. Удачи вам, – неожиданно сказал он на прощание и, поднявшись, подошел к молодому инструктору, протягивая ему руку. – Надеюсь, у вас все сложится хорошо.

– Спасибо, – пожал протянутую руку несколько растерявшийся Эльдар и покинул кабинет.

Он вернулся в свою комнату, которую занимал вместе с Журиным, работающим здесь уже больше десяти лет. Увидев вошедшего коллегу, Михаил Алексеевич хитро подмигнул ему:

– Выдвигают дальше? Молодец, поздравляю.

– Откуда вы знаете? – изумился Эльдар.

– У нас все тайное становится явным, – поднял указательный палец Журин. – В отделе уже готовят твои документы. В общем, это здорово. Попасть в наше болото и уже через полгода переехать в Кремль! Если так пойдет дальше, через год ты будешь уже заместителем министра внутренних дел не вашей республики, а всего Союза. Или заместителем генерального прокурора. Сразу получишь государственного советника третьего класса, минуя очередные звания.

Эльдар усмехнулся. Он меньше всего думал о том, что его могут вернуть в прокуратуру или направить в милицию. Неужели его действительно переведут в Кремль, в аппарат президента? Ему ведь только тридцать два года, и он даже еще не женат. Нужно обязательно просмотреть все свои документы и подготовить дела для передачи возможному преемнику.

– И учти, что ты в первую очередь должен понравиться самому Болдину, – напомнил Журин. – Он человек строгий, сухой, вольностей не любит. Всю жизнь работал с документами, поэтому педант и аккуратист. Когда будешь разговаривать с ним, старайся во всем соглашаться, а свое личное мнение держи при себе. Вольнодумцев не любят нигде, особенно в администрации президента. Все понял?

Сафаров кивнул. Конечно, он понимал, как много зависит от разговора с Болдиным, не будет же сам Горбачев беседовать с каждым сотрудником, которого берут на работу в его администрацию.

За полчаса до назначенного времени Эльдар уже сидел в приемной Болдина, с волнением ожидая приема. Все знали, что Валерий Иванович Болдин был одним из самых доверенных лиц президента. Он работал помощником Генерального секретаря, затем заведующим общим отделом, а после того, как Горбачев стал президентом Советского Союза, он назначил Болдина руководителем своей администрации. Практически все документы и бумаги проходили через Валерия Ивановича. В партийных и властных структурах прекрасно были осведомлены, что самыми доверенными людьми президента являются Болдин и председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, с которым Горбачев был знаком еще по годам учебы в Московском университете.

Болдин разрешил Сафарову войти в кабинет ровно в два часа двадцать две минуты. Он как раз просматривал документы, которые нужно было передать в особой папке президенту страны, и, увидев Эльдара, мрачно кивнул, не вставая и тем самым показывая, что тот не должен садиться.

– Эльдар Кулиевич Сафаров, – сухо проговорил он, открывая лежавшую перед ним папку. Очевидно, это было личное дело Сафарова.

– Так точно. – Эльдар стоял вытянувшись, как офицер перед генералом.

– Вы работали в органах прокуратуры, – начал зачитывать Болдин, – и, судя по вашему личному делу, работали очень неплохо.

– Я дважды получал звания досрочно, – подтвердил Сафаров.

– Я обратил на это внимание. В Москву вы попали из Баку только в конце прошлого года и сразу успели отличиться. – Болдин наконец поднял голову и посмотрел на Эльдара: – Это вы разрешали вопрос с руководством московской милиции?

– Я считал, что все должны выполнять указы президента страны, – твердо ответил Сафаров.

– Правильно считали. Здесь отмечено, что вы были еще в Литве и в Осетии. За полгода столько успеть совсем неплохо. – Болдин не любил хвалить сотрудников, считая, что это их расслабляет. Он вообще был типичным аппаратчиком, хотя начинал как журналист в газете «Правда». Но об этом он сам уже давно забыл.

– Меня отправляли в командировки, – пояснил Сафаров, – видимо, это было нужно в интересах дела.

Болдин с некоторым интересом посмотрел на стоявшего перед ним молодого инструктора.

– С квартирой у вас все в порядке? Я слышал, что в управлении делами ваш квартирный вопрос решен положительно.

– Да, у меня с этим все в порядке.

– Вы учились в Баку?

– На юридическом факультете университета.

– Вы неплохо говорите по-русски, – заметил Болдин.

– Я учился на русском языке.

– Это ничего не значит. Многие ваши земляки с Кавказа говорят с сильным акцентом.

Эльдар еле сдержался, чтобы не улыбнуться. Он хорошо знал, что превосходно владеющие русским языком представители кавказских народов все равно говорили с акцентом, если родными с детства были другие языки, более гортанные и отличавшиеся от русского. Но в интернациональном Баку для многих владение двумя или даже тремя языками считалось нормой, поэтому здесь было достаточно много людей, превосходно владеющих русским. В этом городе выросли Ростропович и Ландау, сформировался уникальный талант Муслима Магомаева, по праву считавшегося едва ли не лучшим певцом отечественной эстрады. Он превосходно исполнял песни как на русском языке, так и на азербайджанском.

– Нам сейчас необходимо иметь квалифицированных юристов в нашем аппарате, – продолжал Болдин. – Вы наверняка знаете, какая напряженная работа идет над проектом Союзного договора...

– Знаю, – кивнул Сафаров.

– У меня к вам только два вопроса. Как вы относитесь к армяно-азербайджанскому конфликту в вашей республике? Надеюсь, вы понимаете, что, попадая в президентскую администрацию, вы должны быть абсолютно нейтральны и не проявлять симпатий ни к одной из сторон?

– Это трагедия двух народов, – твердо заявил Эльдар, – гибнут люди с обеих сторон. Но абсолютно нейтральным быть не смогу. Я – азербайджанец, и это невозможно изменить.

Болдин поправил очки и, криво усмехнувшись, произнес:

– Смело, достаточно смело. Теперь я понимаю, почему вы так понравились Олегу Семеновичу. – Он имел в виду Шенина. – Тогда второй вопрос. Как вы отнеслись к идеям департизации милиции и прокуратуры? Только откровенно, без ненужной демагогии.

– Сотрудники прокуратуры и милиции обязаны служить прежде всего закону, – ответил Сафаров, – но в наших условиях партия является стержнем, позволяющим контролировать работу правоохранительных органов. Я не уверен, что нужно спешить с департизацией.

На второй вопрос Эльдар ответил не совсем искренне. Он прекрасно понимал, что государственные органы не могут служить интересам одной партии, а должны считаться гарантами законности всего государства. Но даже у его смелости был определенный порог. В конце кон-

цов, нельзя быть инструктором ЦК КПСС и приветствовать департизацию органов, разговаривая с бывшим заведующим ЦК, который в настоящее время возглавляет администрацию не просто президента страны, но и человека, являющегося Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии. Болдину его ответ явно понравился.

– Молодец, – сказал он, переходя на «ты», что в его устах, очевидно, было высшей похвалой, – достаточно честно и откровенно. Я думаю, что с твоим переводом у нас проблем не будет. За неделю оформим все документы и переведем тебя к нам. Я еще не спросил: а сам ты хочешь у нас работать?

– Да, – сдержанно ответил Сафаров.

– Хорошо. Можешь идти. Я лично позвоню в твой отдел.

Болдин не встал и не протянул на прощание руку. Эльдар вышел из кабинета, чувствуя, как вспотела спина от напряжения, и понимая, что сегодня удачно прошел «смотрины». Вечером он позвонил домой, родителям в Баку, и позвал к телефону отца.

– Как у тебя дела? – поинтересовался тот.

– Все отлично. Кажется, меня хотят перевести в администрацию нашего большого руководителя. – Эльдар говорил по-азербайджански и так, чтобы не называть фамилию президента страны.

– В какую администрацию? – не понял отец.

– В самую главную, – сделал ударение на последнем слове Эльдар.

– К самому? – понял наконец отец.

– Да, в его аппарат.

– Ты хорошо подумай, прежде чем соглашаться, – неожиданно посоветовал отец. – Сейчас время такое плохое, и у него тоже большие проблемы. А твое нынешнее место работы очень почетное и не зависит от одного человека.

– Думаешь, стоит отказаться? – Эльдар даже немного обиделся.

– Ни в коем случае! Это очень большое выдвижение, в твои-то годы. Просто сам подумай и реши. Ты ведь у нас большая умница. А вообще, я тебя поздравляю. Мы с матерью всегда гордимся твоими успехами.

– Спасибо, – выдохнул Эльдар и, попрощавшись, положил трубку.

Ровно через неделю, то есть в следующий понедельник, его уже провожали на работу в Кремль. Журин произнес прочувствованную речь, заведующий отделом подарил ручку в изящной красной коробочке, другие сотрудники отдела искренне пожелали Сафарову успехов. Хотя многие не совсем понимали, почему этого молодого человека, так недавно прибывшего из провинции, выдвигают на такую ответственную работу – в аппарат президента. Но никто вслух подобных мыслей не высказывал.

Болдин принял его еще раз. И снова не предложил сесть. Только пояснил, что в круг обязанностей нового сотрудника администрации будет входить подготовка документов совместно с представителями Министерства юстиции и юридического отдела Кабинета министров. Эльдару выделили место в небольшой комнате, в которой сидели еще трое других сотрудников. Здесь было еще более тесно, чем в здании на Старой площади. Элина Никифоровна Дубровина считалась руководителем их небольшого отдела. Ей было уже за сорок, она успела стать кандидатом юридических наук и перешла сюда из горкома партии, где работала в последние годы при Гришине и откуда перешла в отдел к Болдину до появления в Москве Ельцина. Остальные двое тоже были профессиональными юристами – Кирилл Снегирев и Александр Гаврилович Тулупов. Первому было около сорока, второму – почти пятьдесят. Они проверяли все документы и указы на предмет их юридической правосубъектности. Получалось, что Эльдар Сафаров был не только самым молодым в их отделе, но и одним из самых молодых сотрудников в администрации президента.

Уже через день в Кремлевском дворце съездов состоялась церемония присяги первого президента России Бориса Николаевича Ельцина. Эльдар с изумлением обнаружил, что даже в их небольшом коллективе отношение к Ельцину весьма противоречиво. Если Дубровина резко критиковала нового российского лидера за популизм и авантюризм, то Снегирев, напротив, осторожно поддерживал Ельцина, хотя старался не вступать в особые споры со своим непосредственным начальником. Он тоже был кандидатом наук, его взяли в администрацию из Института философии и права АН. Снегирев заканчивал писать докторскую, что немного раздражало Дубровину, которая так и осталась кандидатом. Что касается Тулупова, то своим откровенным цинизмом он отчасти напоминал Журина. В молодости Александр Гаврилович работал адвокатом, затем нотариусом, потом перешел в управление Министерства юстиции, откуда его и взяли в администрацию президента. Он не верил в возможность особых перемен, полагая, что все правители так или иначе похожи друг на друга, и хороших «царей» просто не бывает.

Эльдар не мог даже предположить, что очень скоро его судьба сделает невероятный кульбит и он окажется в центре событий, которые потрясут весь мир.

Ремарка

«Экономические итоги истекших шести месяцев и народно-хозяйственный прогноз на вторую половину года обсуждался на совещании в Кремле, проводимом под руководством президента СССР М.С. Горбачева. Оно состоялось с участием руководителей республик, Кабинета министров СССР, центральных министерств и ведомств, ученых. В основном в сообщении премьер-министра В.С. Павлова прозвучала мысль, что в мае – июне удалось приостановить нарастание кризиса и замедлить снижение темпов производства.

Однако общая ситуация в народном хозяйстве страны оставалась крайне напряженной, даже опасной. В промышленности уменьшился выпуск четырех пятых всей выпускаемой продукции, росли недопоставки по договорам, до опасной черты снизились резервы продовольствия, ощущалась нехватка товаров в государственной торговле.

Положение в сфере финансов тоже было крайне острым. Именно здесь сконцентрировались все разлады и беспорядки, как считал глава правительства. Это прежде всего результат невыполнения соглашения между Центром и республиками. Самый тяжелый этап ценообразования – позади, сказал Павлов. Теперь на очереди либерализация цен и переход к рынку.

Первый заместитель премьер-министра СССР В.И. Щербаков предупредил, что эмиссия в этом году может составить 150 миллиардов рублей. В то же время свободные деньги республики расходуют на различные программы, отдавая дань популизму и вызывая новый виток инфляции.

Итоги совещания подвел М.С. Горбачев, который подчеркнул, что экономика очень жестоко связала всех воедино, и понятно, что в одиночку из этого тяжелого экономического кризиса не выбраться. Можно и надо сохранить общее экономическое пространство, к чему призывает и весь мир. В итоге все упирается в согласие, а значит, в новый Союзный договор. Много пота и крови пролить, чтобы выработать единые подходы, достичь компромисса. И если кто-то – с какой бы стороны это ни исходило – начнет его ломать, нужно встать стеной на защиту достигнутого единства. Это, подчеркнул М.С. Горбачев, и есть общий шанс на выживание».

Сообщение ТАСС

Ремарка

Из интервью президента Казахстана Нурсултана Назарбаева газете «Известия»:

«Прежде всего необходимо немедленное прекращение кровопролития в стране, где бы оно ни происходило. Где же наша элементарная человечность? Так давайте же вместе, мужики, остановим кровопролитие. Давайте наконец думать не о «светлом будущем», а о сегодняшнем дне... Очень показателен в этой связи последний Пленум ЦК КПСС. Сидишь на таком форуме и думаешь: а куда, собственно, ты попал? На какое собрание, в каком году? Не веришь своим ушам, слыша вопросы типа: почему реформы экономики не обсуждаются на Политбюро? Почему не обсудили программу приватизации на Пленуме ЦК? Почему Павлов перед нами не отчитался? Определенно, пока иные сидели в окопах, жизнь ушла далеко вперед. И если кто-то рассчитывает атакой догнать ее и вернуть в старое русло, то, во-первых, это невозможно, а во-вторых, очень опасно. И, наверное, последнее для своего краха, что может сделать партия, как раз это: если вздумает попытаться вернуть прошлое при помощи силы или при помощи комитетов национального спасения наводить порядок... Самое главное сегодня – это Союзный договор. Новый Союзный договор на совершенно новой основе. И действительно, с необходимыми полномочиями Центра и с полной самостоятельностью у республик. Без Союза мы не войдем в мировой рынок. Каждую республику в отдельности никто субсидировать не будет, и никакая «семерка» не признает отдельно взятую республику. Поэтому, если мы, руководители республик, действительно желаем добра своим народам, надо отбросить политиканство и начать заниматься делом. То есть экономикой. Это главнейший вопрос».

Глава 2

Утром он проснулся, почувствовав на себе взгляд жены. Она молча смотрела на него, словно решая, как именно ему следует себя сегодня вести. Об инаугурации первого президента РСФСР было объявлено заранее. Хотя на всех приглашениях указывалось, что гостей приглашают «На торжественное заседание Съезда народных депутатов РСФСР, посвященное вступлению в должность первого президента РСФСР Ельцина Бориса Николаевича». Иностранное слово «инаугурация» еще не было в ходу. Но, несмотря ни на что, в десять часов утра должна начаться эта церемония, и надо отправляться в Кремлевский дворец съездов.

Еще не было восьми, когда он повернулся и увидел тревожный и внимательный взгляд супруги.

– Доброе утро, – тихо произнесла она, – как ты себя чувствуешь?

– Доброе утро. Нормально.

– Я просмотрела твою речь, – напомнила Раиса Максимовна, – там все правильно прописано. Толково и по делу, особенно насчет значения избрания президента России.

– Это я добавил, – сказал Горбачев.

– Очень нужное замечание. – Раиса Максимовна умела поддерживать и подбадривать его в самые необходимые моменты.

За завтраком она уточнила:

– Все ваши поедут на съезд? Или только высшие руководители?

– Из наших только Лукьянов и Павлов. Будут гости из союзных республик и областей России. Я думаю, что всем нужно работать, а не ходить по съездам, – строго произнес Михаил Сергеевич.

– Правильно, – согласилась супруга, – пусть несколько высших руководителей поздравят президента России. Необязательно приходить всем министрам и депутатам, чтобы он не чувствовал себя параллельным центром власти.

Уезжая, он привычно поцеловал жену и сел в машину. На часах было около девяти утра. Кортёж автомобилей направлялся в Кремль. Горбачев подумал, что две его последние встречи подтвердили незыблемость позиций европейских политиков. Три дня назад в Киеве он встречался с федеральным канцлером Германии Гельмутом Коелем, который всегда готов был поддержать своего московского друга, так много сделавшего для объединения Германии. А два дня назад в Кремле выступал председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес, который тоже высказался за диалог с Москвой и вчера подписал Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, признавая территориальную целостность единого государства. Все это были несомненные плюсы новой политики Горбачева, работавшие на его имидж.

В самой стране положение ухудшалось с каждым днем. Росла преступность, резко осложнились межнациональные отношения, ухудшалась экономическая ситуация. Сразу шесть союзных республик категорически отказывались оставаться в составе единого Союза, требуя свободного выхода. В самой Москве усиливалось противостояние между союзным и республиканскими правительствами и парламентами. Но сегодня об этом не следовало вспоминать. Ельцин победил триумфально на всенародных выборах, уже в первом туре набрав почти пятьдесят восемь процентов голосов, что делало его победу особенно важной. Подсознательно все понимали, что легитимность Ельцина была даже выше, чем легитимность самого Михаила Сергеевича, избранного только съездом народных депутатов СССР. Горбачев не рискнул пойти на всенародные выборы, в отличие от своего основного оппонента, который решился на этот шаг и выиграл.

За двадцать минут до открытия церемонии Горбачев появился в Кремлевском дворце съездов. Он прошел в комнату, приготовленную для обоих президентов, и с явным неудоволь-

ствием увидел, что там, кроме Лукьянова и Павлова, находятся еще и Хасбулатов с Силаевым. Руслан Имранович Хасбулатов был первым заместителем Ельцина в Верховном Совете РСФСР и считался основным претендентом на освободившийся пост председателя. Силаев занимал пост руководителя российского правительства. Ельцин пока не подъехал.

«Заставляет себя ждать, – недовольно подумал Горбачев, – появляется последним, как будто он выше по рангу. Ничего, сегодня его праздник. Все равно Борису Николаевичу придется работать с союзным правительством и союзным руководством. А насчет Хасбулатова тоже не все так однозначно. Крючков докладывал, что не все депутаты готовы голосовать за Руслана Имрановича. А в таких вопросах службы Крючкова никогда не ошибаются».

Он отошел в сторону вместе с Лукьяновым.

– Американцы готовы признать две республики Югославии, – тихо сообщил Горбачев, – Словению и Хорватию. Мне вчера докладывал Бессмертных. Ты понимаешь, что это значит? Фактический развал Югославии. И очень опасный прецедент.

– Я читал сообщения о дебатах в американском сенате, – ответил Лукьянов. – Американцы и западноевропейцы считают, что это конфликт между коммунистическим руководством Центра и демократически избранными парламентами Словении и Хорватии.

– Нужно принять специальное заявление нашего Верховного Совета по этому вопросу, – подчеркнул Горбачев. – Если в Европе начнут изменять границы, этот процесс потом будет невозможно остановить.

Лукьянов согласно кивнул головой. Он не стал напоминать о фактическом изменении европейских границ, установленных Хельсинкским договором, когда произошло объединение Германии. Формально границы не были изменены, одно государство поглотило другое, но фактически это самые крупные территориальные изменения в Европе после Второй мировой войны.

– Мы вынесем этот вопрос на Верховный Совет, – пообещал Лукьянов, – если понадобится, даже обсудим его на съезде.

Горбачев подумал, что его старый университетский товарищ Толя Лукьянов – один из немногих людей, кому он может абсолютно доверять. Он мрачно посмотрел на Павлова, о чем-то оживленно беседующего с Силаевым, и в очередной раз подумал, что ошибся, сделав этого чересчур энергичного министра финансов премьер-министром. На контрасте со спокойным и уравновешенным Рыжковым, всегда очень сдержанно излагавшим свою позицию и терпеливо выслушивавшим другие мнения, Павлов казался особенно неуправляемым, амбициозным и чересчур энергичным политиком, который уже начинал раздражать Горбачева своими частыми выступлениями и политическими заявлениями. Получалось, что Михаил Сергеевич попал в своеобразную ловушку, ведь без решения съезда он теперь не мог снять с работы зарвавшегося премьер-министра, хотя уже давно для себя решил, что Павлова придется менять.

В комнату наконец вошел Ельцин. Его успели причесать, даже сделать некое подобие укладки. Он был одет в темный костюм. Подойдя к Михаилу Сергеевичу, Ельцин протянул ему руку.

– Поздравляю, Борис Николаевич, – сдержанно сказал Горбачев.

– Спасибо, Михаил Сергеевич.

Больше не было произнесено ни слова.

В комнату степенным шагом вошел патриарх Алексий Второй. Если раньше появление здесь патриарха было просто немыслимым, то теперь присутствующие не видели в этом ничего особенного. Менялись времена, менялись люди. Патриарх поздоровался со всеми, начав с Горбачева. Он хорошо знал «придворный этикет».

– Осталось две минуты, – взглянул на часы Хасбулатов, – сейчас пойдем.

На пороге появился один из сотрудников Верховного Совета РСФСР и протянул ему список гостей. Хасбулатов забрал список и пригласил всех выйти в зал. Ровно в десять часов

утра началась сама церемония. Хасбулатов приветствовал всех собравшихся, особо подчеркнув, что сегодня в зале находятся президенты страны, председатель Верховного Совета СССР и премьер-министр Советского Союза. Он также приветствовал многочисленных гостей, прибывших из всех союзных республик, областей и краев России. Затем передал слово народному депутату, актеру Олегу Басилашвили, который кратко высказался об особом пути России.

Под звуки фанфар вышел Ельцин. Он принес присягу, сразу после этого прозвучал гимн России и был поднят государственный флаг. Затем слово предоставили патриарху. Алексей произнес запоминающуюся речь, особо отметив, что людей нельзя изменить ни за одну ночь, ни даже за пятьсот дней, намекая на несостоявшуюся экономическую программу. Люди нуждаются в понимании, любви и терпимости, подчеркнул патриарх, и посоветовал научиться прощать людей. Только после этого он зачитал свой приветственный адрес.

Затем слово дали Ельцину. Конечно, по протоколу в таких случаях первым должен был выступать президент СССР, но процедуру инаугурации разрабатывала протокольная служба Верховного Совета РСФСР, поэтому сразу за патриархом слово предоставили Ельцину. Он говорил о возрождении России, о духовном кризисе, об ответственности власти перед народом. И особо отметил, что невозможно достичь возрождения, «слепо выполняя приказы сверху». «В основе возрождения нашего государства, – подчеркнул Ельцин, – духовное раскрепощение человека, подлинная свобода слова и полный отказ от любого идеологического диктата».

При этих словах все посмотрели на Горбачева, хранившего невозмутимое молчание. Ельцин еще раз повторил о «свободе территорий и предприятий», «о реальном укреплении суверенитета России, реальных прав народов и республик». Горбачев ничем не выдавал своего раздражения. Когда Ельцин закончил, прозвучал гимн Глинки «Славься».

После российского президента слово предоставили Горбачеву. Он начал с того, что это не просто избрание очередного президента союзной республики, а исключительно важное событие для всего Союза, так как Россия занимает в нем особое место. Говорил Горбачев долго и многословно. Однако основные мысли были прописаны достаточно четко: «В условиях кризиса становится понятно, что для решения комплекса сложнейших проблем необходимо согласие всех патриотически мыслящих ответственных людей». «Глубоко убежден, что интересам народов Российской Федерации, как и всех народов союзных республик, отвечает не расхождение по своим углам, не самоизоляция, а сотрудничество и согласие в обновленном многонациональном государстве».

Закончив свою речь, Горбачев подошел к Ельцину и протянул ему руку. Под аплодисменты присутствующих они обменялись рукопожатиями и встали рядом, словно символизируя единство самой большой республики в составе государства и единого Союза. Потом эти снимки обошли весь мир. После церемонии инаугурации народные депутаты России возложили цветы к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Некоторые из них требовали возложения цветов к Мавзолею Ленина, но они были проигнорированы руководством Верховного Совета РСФСР. Хасбулатов просто не обратил внимания на подобные предложения. Возлагать цветы к мавзолею лидера партии, из которой вышел первый президент России, было бы достаточно нелогично. Это понимали и многие из собравшихся.

Горбачев вышел из Кремлевского дворца съездов в расстроенных чувствах. Ельцин явно не готов к совместной работе, видимо, сказывается эйфория победы. С другой стороны, он понимает, что без сотрудничества с союзным руководством никакие проблемы России не могут быть решены, и, может быть, более ответственно подойдет к подписанию Союзного договора именно сейчас, когда стал президентом. Нужно, чтобы Павлов и Силаев согласовали свои экономические программы. Горбачев подумал о совместной экономической программе правительства СССР, которую одобрили уже десять республик. Кроме пяти среднеазиатских, России, Украины, Белоруссии и Азербайджана, к ним присоединилась и Армения. Молдавия заявила, что пока изучает программу и еще не готова дать ответ. Если так пойдет дальше,

можно будет уговорить присоединиться к экономическим реформам и прибалтийские республики. Когда Павлов в начале года решил поменять деньги, все три прибалтийские республики дружно выполнили это решение.

Вспомнив об этом, он немного успокоился и к себе в кабинет поднялся уже в гораздо лучшем настроении. Сразу позвонил министру иностранных дел и поинтересовался:

– Что у нас в Югославии?

– Очень плохо, Михаил Сергеевич, – ответил Бессмертных. – В Словении идут настоящие бои. Их территориальные отряды самообороны воюют с югославской армией, которая представлена сербскими частями. В Хорватии тоже не лучше.

– Я получил твоё сообщение, что американцы и западноевропейцы могут признать их независимость, – напомнил Горбачев. – Насколько это реально?

– Мы полагаем, что пока они не определились, – осторожно сказал министр, – но американцы будут делать все, чтобы пойти на признание и расколоть Югославию. Особую заинтересованность в разделе страны проявляют немцы.

– Почему немцы? – недовольно спросил Горбачев.

– Выход к Адриатике, – пояснил Бессмертных. – Во время Второй мировой войны Хорватия была их стратегическим союзником. Если Словения и Хорватия получают независимость, это означает, что немцы и австрийцы снова получают выход к южным морям.

– Они хотят вернуться в сороковые годы?! – поразился Горбачев.

– Мы готовим специальное заявление Министерства иностранных дел, – подчеркнул Бессмертных. – Сейчас сложное положение не только в Югославии, но и в Чехословакии. Там тоже начались чешско-словацкие проблемы.

– Держите ситуацию в Югославии под своим контролем, – приказал президент. – Если понадобится, я могу позвонить Колю, чтобы он не пошел на признание самостоятельности югославских республик. Представляю, какой шум поднимут наши консерваторы, если Югославия распадется на части... Нельзя этого допустить, особенно сейчас, перед подписанием Союзного договора.

– Там не столько Коль, сколько Геншер лоббирует признание самостоятельности югославских республик. Но без согласия Америки они не пойдут на такой авантюристический шаг, – заметил министр.

– Что еще?

– Югославия заявила официальный протест Австрии, которая концентрирует свои войска на границе со Словенией, – продолжал Бессмертных. – Кроме того, есть данные, что военнослужащих словенских сил территориальной обороны обучают немецкие специалисты. Это по сообщениям югославского агентства ТАНЮГ.

– Проверьте информацию, – посоветовал Горбачев, – и пришлите мне завтра ваш анализ ситуации.

– Обязательно, – заверил его министр.

Горбачев не успел положить трубку, как по другому телефону позвонила Раиса Максимовна:

– Как прошла церемония?

– Все как обычно, – устало произнес Горбачев. – Он сказал то, что должен был сказать. Я сказал то, что считал нужным. По своему тексту. Ничего неожиданного не произошло, хотя патриарх молодец, сумел вставить несколько слов о терпимости.

– Он вообще умница, – одобрительно сказала Раиса Максимовна. – А кто еще выступал?

– Басилашвили. Этот актер из театра Товстоногова. Он – народный депутат РСФСР. Помнишь, как он тебе нравился в «Вокзале для двоих», где играл вместе с Гурченко?

– Зачем ему дали слово? – удивилась супруга.

– Он говорил об истории России. Хорошо говорил. Такое не запланированное протоколом выступление.

– И больше никто?

– Хасбулатов приветствовал гостей, и все. Больше никто.

– Тогда все в порядке, – решила Раиса Максимовна, – поэтому ты не волнуйся. Пусть теперь Борис Николаевич почувствует ответственность за все, что происходит в России. Критиковать всегда легче, чем работать.

– Да, – сдержанно согласился Горбачев, – только нам все равно нужно будет выходить на совместное подписание Союзного договора.

Он попрощался с супругой, положил трубку и посмотрел на календарь, лежавший на столе. До подписания Союзного договора оставалось совсем немного. Сорок один день. Подписание назначено на двадцатое августа. Если удастся убедить прибалтов присоединиться к договору, это будет самая настоящая победа. Молдавию тоже можно убедить. Только с Грузией будут проблемы. Но, кажется, там назревает настоящая гражданская война. Значит, Гамсахурдия пойдет на любой компромисс, чтобы удержаться у власти. Нужно использовать и этот момент.

В кабинет вошел руководитель администрации президента Валерий Иванович Болдин и, блеснув очками, положил на стол папку. Горбачев недовольно посмотрел на нее – опять очередные неприятные известия.

– Что у тебя? – спросил он.

– Реакция мирового сообщества на пражский протокол, – пояснил Болдин, – сообщения из МИДа, КГБ и Министерства обороны. Выдержки из зарубежных газет и журналов.

– И какая реакция? – невесело поинтересовался президент.

– В основном положительная, – ответил Болдин. – Все западные лидеры приветствуют роспуск организации Варшавского договора. Но, конечно, при этом не упускают случая позлословить.

Несколько дней назад в Праге был подписан Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между странами Варшавского договора. Горбачев посчитал, что не должен так серьезно подставляться, и отправил на подписание Протокола вице-президента страны Янаева и министра иностранных дел Бессмертных. Все мировые агентства прислали своих корреспондентов в Прагу, которые отметили отсутствие Михаила Сергеевича, действовавшего в своем обычном стиле. Подписывать подобный Протокол он не хотел и не мог, понимая, насколько смешно и унижительно будет выглядеть. Генеральный секретарь ЦК КПСС сядет за один стол с известными антикоммунистами и диссидентами, отдавшими всю свою жизнь борьбе с коммунистическими режимами.

С самого начала планировалось отправить туда Павлова, ведь формально от Венгрии в подписании участвовал тоже премьер-министр. Но в последний момент Горбачев переиграл состав делегации и послал в Прагу Янаева. Павлов потом вспоминал, что против поездки самого Горбачева была и Раиса Максимовна, не советовавшая мужу лететь на подписание Протокола. Фактически это была капитуляция бывшего блока союзников СССР перед НАТО. Еще большее возмущение внутри страны вызывало и то обстоятельство, что НАТО начало расширять свои границы, включив в свой состав бывшую Восточную Германию, а Протокол в Праге подписывали известные антикоммунисты Лех Валенса, Вацлав Гавел, Желю Желев и пришедшие к власти в своих странах на волне отрицания прежних режимов Ион Илиеску и Йозеф Анталл. Горбачев примерно представлял, что именно могут написать западные газеты и как будут возмущаться отечественные «патриоты». Он открыл папку. В глаза сразу бросились заголовки западноевропейских и американских газет: «Очередная победа Запада», «Впечатляющий выигрыш НАТО», «Советский Союз потерял последних союзников в Европе», «Победа без войны». Горбачев поморщился, захлопнул папку и возмущенно произнес:

– Мы говорим о новом мышлении, а они позволяют себе такие заголовки!

Болдин молчал. Он уже привык к подобной риторике и не комментировал слова своего шефа.

– Представляю, что напишут наши газеты, – продолжал возмущаться Горбачев, – опять скажут, что мы сдали все наши позиции в Европе.

Мало ему неприятностей с Ельциным и всеми проблемами внутри страны. Теперь придется объясняться на очередном Пленуме ЦК КПСС, почему они так быстро пошли на подписание пражского Протокола. Хорошо еще, что туда полетел Янаев. Вот пусть теперь он и отвечает. Он снова раскрыл папку, достал выдержки из речи Янаева, перепечатанные советскими газетами.

«В основе этого решения лежат объективные факторы – глубокие изменения в Европе и в самих наших странах и в отношениях между нами, – говорил Янаев, выступая на пресс-конференции в Праге. Текст речи, конечно, был выверен и согласован и с президентским аппаратом, и с Министерством иностранных дел. – Тенденция преодоления блоковой модели безопасности будет набирать силу. Можно сказать, что в Европе создается фундамент нового мирового порядка, который устранил потенциальные источники опасностей и конфронтаций». По большому счету, это была неприкрытая демагогия. Все понимали, что пражский Протокол – это просто подведение черты под поражением Варшавского блока перед НАТО. Но нужно было облечь это поражение в красивую упаковку.

Главные вопросы, которые задавали Янаеву, были как раз об этом. Как Советский Союз относится к тому, что НАТО не только не распускается, но и расширяется? Янаев заученно отвечал, что в Москве надеются на то, что НАТО, рано или поздно, включится в антиблоковый процесс. Он говорил и сам не верил в свои слова, понимая, что это всего лишь попытка сделать хорошую мину при плохой игре.

Горбачев снова закрыл папку. Сегодня ему не хотелось больше читать никаких сообщений. Он не мог себе даже представить, в каком состоянии вернулся из Праги его вице-президент. Янаев был в ярости. Он понимал, в какой незавидной роли выступил, подписав подобный Протокол, и как смешно выглядел, придумывая различные объяснения по поводу позиции Советского Союза. Но сказать об этом Горбачеву он так и не решился.

Ремарка

«В Белграде состоялось заседание Президиума СФРЮ, на котором был избран его председатель, представитель Хорватии Стипе Месич. Сербский и черногорский представители проголосовали за его кандидатуру при условии, что Хорватия и Словения введут трехмесячный мораторий на провозглашение своей независимости».

Сообщение «Франс Пресс»

Ремарка

«Избранный Председателем Президиума СФРЮ хорват Месич известен своими националистическими взглядами. Он родился в 1934 году, юрист по образованию, в годы «тоталитарного режима Тито» отсидел в тюрьме. Активный деятель национального хорватского движения, он выступает против сохранения нынешней федерации и за союз независимых суверенных республик».

Сообщение ТАСС

Ремарка

«Министр иностранных дел Германии Геншер вылетает в Югославию по просьбе федерального правительства, а также руководителей объявивших

о своей независимости Хорватии и Словении. Как заявил официальный представитель германского МИДа, Геншер попытается внести свой вклад в предотвращение гражданской войны в Югославии».

Сообщение «Рейтер»

Ремарка

«Спортсмены из Словакии, входившие в сборную Югославии на проходивших в Афинах Средиземноморских играх, покинули национальную команду. По сообщениям из Афин, за сборную Югославии отказались выступить 26 спортсменов из Словении».

Сообщение Би-би-си

Ремарка

«Югославский Красный Крест опубликовал данные о потерях сторон в вооруженных столкновениях в Словакии. Югославская народная армия потеряла 35 человек убитыми и 152 – ранеными. Словенцы потеряли троих убитыми и шестьдесят шесть ранеными. В настоящее время на границах Словении и Хорватии продолжаются военные столкновения. По последним сообщениям, в сторону Загреба движется колонна танков».

Сообщение ТАНЮГ

Глава 3

Обстановка на границе с Арменией продолжала оставаться сложной. Периодически в разных местах происходили вооруженные столкновения. Они участились и в Нахичеванской автономной республике, а в самом Нагорном Карабахе, где продолжались больше двух лет, и, казалось, подобным военным столкновениям уже не будет конца, несмотря на все усилия прибывающих в Азербайджан и в Армению частей внутренних войск МВД СССР. Каждая сторона создавала свои военизированные отряды, которые уже открыто не подчинялись центральной власти, а зачастую не подчинялись вообще никому, защищая свои села и города. Ежедневно поступали сводки об убитых, раненых, искалеченных. Позиции были предельно обозначены. Армянская община Нагорного Карабаха требовала выхода автономной области из состава Азербайджана и присоединения к Армении, в то время как в самом Баку и слышать не хотели об изменении границ подобным образом, не говоря уже о том, что в составе Нагорного Карабаха были города и села, населенные преимущественно азербайджанцами, например древний город Шуша.

Мурад Керимов – секретарь Союза писателей Азербайджана, избранный на последнем съезде в марте девяносто первого года, – каждое утро привычно приходил на работу к десяти часам утра, прислушиваясь к гулкой тишине в этом большом здании Союза. Здание было построено еще в девятнадцатом веке. Трехэтажный особняк с мансардой, высокие пятиметровые стены, мраморные лестницы, кабинеты с каминами и лепниной, увешанные картинами и фотографиями классиков азербайджанской литературы. Официально работа начиналась в десять, но к этому времени в здании почти никого не бывало, кроме охранников и приходившего раньше других Мурада. Остальные подтягивались к одиннадцати, секретари Союза вообще приезжали к двенадцати, чтобы уже в половине третьего, закончив работу, отправиться по своим делам. Собственно, в большом писательском Союзе в Москве работали еще меньше. Там собирались к двенадцати и почти сразу отправлялись в бары и рестораны, где и проводили все оставшееся время, за исключением пленумов, совещаний и литературных встреч с известными писателями, на которых должны были присутствовать и их коллеги.

Как шутили в Союзе писателей, главное – не просто получить заветную красную книжку с удостоверением члена Союза, главное – стать его секретарем. Даже рядовые члены Союза имели массу льгот, недоступных обычным смертным в СССР. Они имели право нигде не работать, числясь в творческом Союзе, официально нанимать машинистку-секретаря, личного водителя, помощника. В свое время Бродского осудили за тунеядство именно потому, что он не мог считаться поэтом, не будучи членом Союза. Заветная книжка давала возможность на получение вне очереди дефицитных автомобилей, дач, квартир, где предусматривался особый кабинет для творческого человека. А союзные и республиканские секретари вообще приравнивались почти к небожителям. Они пользовались правительственными магазинами, где могли заказывать дефицитные продукты, имели государственные машины с водителями, положенными по штату, собственных референтов, оплачиваемых государством, правительственные телефоны и вертушки, установленные для связи с любым должностным лицом. И, конечно, книги, которые выпускались безо всяких ограничений и щедро оплачивались. Многотомные собрания сочинений секретарской литературы были особой темой для насмешек. Эти книги, как правило, никто не читал и не покупал. Но их издавали самым массовым тиражом, платили по самым высшим ставкам и даже предлагали для издания в социалистические страны, выполнявшие специальную программу ознакомления своих читателей с «шедеврами» соцреализма. Были еще и другие многочисленные льготы. Секретари становились депутатами, лауреатами, героями. Им полагались частые зарубежные поездки, в которых щедро выплачивалась валюта на представительские расходы. Дачи в лучших местах и дома отдыха, где они могли творить

и обдумывать новые эпохальные произведения. Были еще свои поликлиники, свои журналы, свои газеты, свои книжные магазины, в которых продавали гораздо более качественную и интересную литературу.

Вся эта система огромного литературного министерства была создана еще в тридцатые годы, при покровительстве самого Сталина, и благополучно дожила до девяносто первого года, когда со скандалами и склоками начала распадаться, похоронив под своими обломками не только творческие Союзы, но и вообще советскую литературу как уникальный феномен цивилизации двадцатого века. Конечно, было много всякой мути, много приспособленцев и откровенно бездарных графоманов. Но были и авторы с большой буквы. Имена Горького, Алексея Толстого, Шолохова, Пастернака, Булгакова, Платонова, Симонова, Твардовского, Фадеева, Леонова, Зощенко, Ильфа и Петрова, даже репрессированного Мандельштама можно смело отнести к выдающимся образцам советской литературы. Не говоря уже о целом созвездии национальных авторов, среди которых были Абай, Самед Вургун, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Чингиз Айтматов, Давид Кугультинов, Василь Быков, Константин Гамсахурдия, Георгий Гулия, Муса Джалиль и десятки других авторов, состоявшихся именно в эти годы.

Собственно, весь мир литературы можно было разделить ровно пополам: мировая литература и русская литература, продолжателем которой была и советская литература. Даже такие явные критики и оппоненты советского строя, как Солженицын и Бродский, тоже были яркими образцами именно этого периода. А сама литература просто заменила собой религию. На протяжении всех семидесяти лет считалось просто неприличным иметь квартиру без соответствующих книжных полок или собственной библиотеки. Литературные журналы зачитывались до дыр, книги были одним из самым больших дефицитов в стране всеобщего дефицита. Поэты считались властителями дум. Их стихи заучивались наизусть, их книги дарили любимым девушкам.

Мурад любил эти утренние часы, когда можно было спокойно просмотреть документы и продумать текущие вопросы. Можно было также позвонить Карине в Москву и застать ее дома, сказывалась разница в один час. Поэтому сегодня он пришел на работу, как обычно, к десяти часам утра, – и сразу заказал разговор с Москвой на половину одиннадцатого.

Ждать пришлось достаточно долго. Его соединили только в десять сорок восемь. Он услышал знакомый голос Карины, и сердце привычно дрогнуло.

– Доброе утро, – начал он, – как ты себя чувствуешь?

– Доброе утро, Мурад, – ответила она. Голос был все-таки не такой, как раньше, немного наигранный.

– Как у тебя дела? Я боялся, что ты уйдешь на работу, и я тебя снова не застаю дома.

– Нет. Сегодня я вообще дома, – сказала Карина.

– Почему? – удивился он.

– Неважно себя чувствую. Кружится голова. Ты обещал приехать еще на прошлой неделе...

– Не получается. Наверное, приеду в августе. Оформлю отпуск и приеду к тебе на весь месяц. А еще лучше, оформлю путевку куда-нибудь в дом отдыха, и мы вместе поедem. В Прибалтику или на Черное море.

– Куда угодно, только не к вам, – горько произнесла она. – Кажется, в Баку тоже был неплохой дом отдыха писателей?

– Был, – согласился Мурад, – но там сейчас живут военные. В январе девяностого они заняли наш дом отдыха и до сих пор не освободили. Сейчас мы как раз ведем с ними переговоры.

– Можно подумать, что, если бы не было военных, ты бы меня туда пригласил.

– Нет, – честно ответил он, – не пригласил бы. И ты прекрасно понимаешь почему. Я бы не хотел, чтобы с тобой что-нибудь произошло. А у нас в городе десятки тысяч беженцев из Армении, и все они настроены не очень благожелательно к твоим землякам.

– Вот поэтому мы с тобой никогда не сможем появиться вместе ни в Баку, ни в Ереване, – сказала она каким-то глухим непонятным голосом.

– Мы поедем в Прибалтику, – повторил Мурад. Его начало раздражать ее постоянное напоминание о невозможности их встреч в Баку.

– Мы уже были в Прибалтике, – напомнила Карина, имея в виду их совместную поездку в Вильнюс во время январских событий.

Он поморщился. Почему нужно все время спорить? Что с ней происходит? В последние дни ее словно подменили.

– Тогда поедем в Пицунду, – предложил Мурад. – И вообще, перестань хандрить. Мне не нравится твое настроение.

– Мне оно самой не нравится, – тихо произнесла она. – Когда ты сможешь прилететь в Москву?

– Я же сказал, что, скорее всего, в августе. Возьму отпуск и приеду на месяц. Если не захочешь поехать отдыхать, останемся в Москве. Или съездим в Ленинград, там тоже будет неплохо.

– Как хочешь, – согласилась она, – только, пожалуйста, приезжай обязательно.

Он впервые подумал, что с ней происходит нечто непонятное. Нет, не подумал, скорее почувствовал. Интонация и настроение Карины...

– Я приеду, – пообещал он. – Что-нибудь случилось? У тебя какое-то странное настроение!

– Ничего, – ответила Карина, – когда приедешь, тогда и поговорим. Я буду тебя очень ждать. Постарайся приехать как можно быстрее.

– И все-таки ты чего-то недоговариваешь, – упрямо повторил Мурад.

– Да, – согласилась она, – недоговариваю. Вернее, не хочу говорить тебе эту новость по телефону. Такие вещи обычно сообщают при личных встречах. – Она всегда была решительным и смелым человеком. И сейчас снова показала свой характер.

– О чем ты хочешь мне сообщить?

– Я думала, что ты должен был догадаться. Ведь я не вышла на работу и не хожу уже несколько дней. Кружится голова, меня постоянно тошнит.

– Ты отравилась? – растерянно спросил он.

– Почему все мужчины такие глупые! – неожиданно воскликнула Карина. – Я не отравилась, Мурад. Просто я жду ребенка.

– Какого ребенка? – Он все еще не мог сообразить, что именно происходит.

– Твоего ребенка. Неужели и теперь тебе ничего не понятно?

Он молчал. Новость была невероятной, ошеломляющей, невозможной. Она слышала его учащенное дыхание и ждала его реакции. Но он молчал, не зная, что именно следует говорить в таких случаях.

– Ты долго будешь молчать? – наконец не выдержала Карина.

– Это... мой? – сумел выдать из себя Мурад.

– Нет, от чужого дяди, – рассмеялась она. После того как сообщила ему новость, Карине стало гораздо легче, словно она сняла с себя тяжесть молчания, переложив ответственность на него.

– Ты ждешь ребенка?! Почему ты ничего не говорила? Как ты могла?!

– Я узнала об этом только две недели назад, – пояснила Карина. – И не нужно так бурно реагировать, это тебя ни к чему не обязывает. Не забывай, что все мои родственники успели перебраться в Москву...

– Глупости! Я прямо завтра приеду, – решительно произнес Мурад. – Как ты могла так долго молчать? Две недели... А кто будет, мальчик или девочка?

– Этого я еще не знаю, – ответила она, – пока не знаю.

– Я завтра прилечу, – пообещал он, – только ты теперь никуда не выходи. А твои родные в курсе?

– Маме я уже сказала.

– И как она отреагировала?

– Ты хочешь знать правду или мне соврать?

– Конечно, соврать. Что она сказала?

– Плакала. Плакала и говорила, что я поступаю глупо.

– Почему глупо?

– Можешь сам догадаться. Она считает, что я не имею права заранее делать ребенка несчастным.

– Почему несчастным? – пробормотал Мурад.

Он услышал, как в его приемной появилась девушка-машинистка, выполнявшая обязанности секретаря, и прикрыл трубку ладонью.

– Она не хочет, чтобы ребенок был незаконнорожденным, – продолжала Карина, – и чтобы он почувствовал на себе вражду наших народов.

– При чем тут вражда наших народов? А ты не сказала ей, что мы любим друг друга?

– Мы ведь не сможем пожениться, – пояснила Карина, – ты не переедешь к нам, а я никогда не смогу приехать к тебе. Все правильно. Но я твердо сказала маме, что все равно буду рожать. Даже если ты не захочешь прилететь.

– Какие глупости! Я завтра прилечу, – упрямо произнес Мурад. – И скажи маме, чтобы выкинула из головы все эти страхи. Мы можем подумать о том, как дальше будем жить...

– Давай не по телефону, – предложила она, – мы и так выглядим достаточно смешно. Узнавать о таком по телефону, находясь на расстоянии в несколько тысяч километров. Смешно!

– Не очень. – Мурад услышал, как в приемной его секретарь разговаривает с кем-то из подошедших сотрудников Союза, и поспешил попрощаться. Необязательно, чтобы кто-то узнал о его разговорах с Кариной. – Я тебя целую, – торопливо проговорил он, – завтра возьму билет и прилечу. Пока. – И быстро положил трубку, даже не дослушав ее «целую» в ответ.

В приемной разговаривали сразу несколько человек. Мурад поднялся, собираясь выйти из кабинета, когда снова раздался телефонный звонок. Он бросился к телефону и схватил трубку. Может, Карина решила сама перезвонить?

– Разговаривали шесть минут, – сообщила телефонистка.

– Спасибо, – сказал Мурад и положил трубку.

Карина права, неизвестно, как будет дальше. Что вообще будет со всеми ними. Чем все это закончится? Рожать в такое время – верх безрассудства. Но разве не рожали во время Гражданской войны или в период Великой Отечественной, когда надежды на возвращение любимого мужа не было никакой? А сейчас? Никто не знает, что произойдет завтра. Может, вспыхнет настоящая война между двумя соседними республиками, между двумя соседними народами. Или все идет к всеобщему распаду большой страны, когда ничего невозможно предсказать. Он даже боится разговаривать с ней по телефону, памятуя о том, что их разговор могут услышать в приемной. Наверное, ее мама права, и сейчас вообще не нужно планировать ничего подобного.

Мурад посмотрел на свое отражение в стеклянном книжном шкафу. Начинаящий сидеть молодой человек. Ему только тридцать, а он выглядит на все сорок пять. Сказывалось тяжелое ранение, полученное в Афганистане. Что же делать? Сказать ей, чтобы она сделала аборт? Подло и глупо. А оставлять ребенка, которого они заранее обрекают на несчастное существо-

вание, не менее подло. Черт возьми, как же все-таки поступить? Завтра, конечно, нужно лететь в Москву. Но он должен отправиться туда, уже понимая, чего именно хочет. А он пока сам для себя ничего не решил.

Ремарка

«В Тбилиси открылся «Кишиневский форум» – продолжение встреч представителей партий и движений республик, заявивших о своей независимости. В республику Грузия съехались представители Молдавии, Армении, Литвы, Латвии, Эстонии. Грузинскую делегацию возглавляет один из лидеров хельсинкского союза Грузии Гия Мансашвили».

Сообщение «Балтфакс»

Ремарка

Комиссия по привилегиям проверяет материалы о продаже имущества государственных дач ответственным сотрудникам Совета министров. В настоящее время проверяются дачи, приватизированные и выкупленные по остаточной стоимости товарищами Рыжковым, Бирюковой, Сааковым, Ворониным, Белоусовым, Шкабардней и другими. Проверяется также объект «С» – дача маршала Ахромеева, где были реализованы набор стульев, мебельный гарнитур «Балатон», мельхиоровая посуда и холодильник «ЗИЛ», выкупленные Ахромеевым за восемь тысяч пятьсот рублей. Комиссия не согласилась с уценкой мельхиоровой посуды, и товарищ Ахромеев внес в кассу еще сто семьдесят восемь рублей, хотя хозяйственное управление делами Совета министров подтвердило первоначальную стоимость с учетом уценки имущества. Товарищ Бирюкова внесла восемнадцать тысяч рублей, а товарищ Воронин – двадцать три тысячи рублей за приватизацию своих дач, что было подтверждено решением ХОЗУ Совета министров.

Ремарка

«Банк Эстонии принял решение ввести новые правила скупки валюты у юридических лиц. Теперь ее приобретение будет осуществляться по официальному курсу рубля, установленному самим Банком Эстонии. Новые условия скупки валюты фактически означают девальвацию рубля на территории республики по отношению к валютам других стран. Предполагается, что один доллар США вырастет в шестнадцать раз».

Сообщение ТАСС

Ремарка

«Очередные торги на валютной бирже принесли новый печальный рекорд. Американский доллар подскочил до шестидесяти рублей. Только за одну неделю он вырос больше чем на десять рублей. Директор валютной биржи А. Потемкин подтвердил, что вся закупаемая сейчас валюта идет на закупку сверхдефицитных товаров. Тем самым фактически продолжается порочная практика, при которой с таким трудом заработанные доллары, марки, фунты, как и в прежние годы, проедаются и не способствуют обновлению нашей промышленности, привлечению новых технологий».

«Известия», 1991 год

Глава 4

В этот день должны были состояться выборы нового председателя Верховного Совета Российской Федерации. Все понимали, что кандидатурой Ельцина будет его первый заместитель Руслан Хасбулатов, оставшийся на парламенте сразу после избрания Бориса Николаевича президентом. Однако все было не так просто, как хотелось бы сторонникам Ельцина. Все помнили о том, как в парламенте сам Ельцин был избран председателем только после третьего тура, и победа далась ему очень нелегко. Теперь следовало провести кандидатуру Хасбулатова. Горбачеву легко удалось оставить вместо себя своего первого заместителя Анатолия Лукьянова в качестве председателя Верховного Совета СССР и добиться его избрания.

Утром Горбачев позвонил Лукьянову.

– Ты знаешь, что сегодня выборы в российском парламенте?

– Я уже говорил с нашими депутатами, которые пойдут на сегодняшний съезд, – понял вопрос Михаила Сергеевича председатель Верховного Совета СССР. Многие депутаты СССР были одновременно и депутатами России.

– И какие настроения? – поинтересовался Горбачев.

– Не в пользу Хасбулатова, – сразу ответил Лукьянов.

– Посмотрим, – положил трубку Горбачев, больше ничего не сказав и не спросив.

На утреннем заседании начались выдвижения кандидатов. Было ясно, что имеются два основных кандидата: Руслан Хасбулатов, как креатура самого Ельцина, и Сергей Бабурин, как представитель оппозиции. Неожиданно выдвинули кандидатуру Сергея Шахрая. Сказывалось то обстоятельство, что Хасбулатова не все любили. Его язвительные замечания, высокомерие и частые оскорбительные реплики не нравились многим депутатам. От демократического крыла парламента был выдвинут еще и Владимир Лукин. Появился и никому не известный самовыдвиженец Аржанников. Теперь предстояло определяться по этим пяти кандидатурам.

Начались выступления. В адрес Хасбулатова было высказано немало претензий, выступающие упражнялись в нападках на вице-спикера, понимая, что подобными выступлениями быют и по позиции нового президента. В выступлениях отмечалось, что Бабурин – «знающий юрист и молодой политик, способный создать подлинный законодательный противовес сильной президентской власти». Сторонники Хасбулатова утверждали, что Бабурин не имеет права вообще баллотироваться, так как является политическим оппонентом всенародно избранного российского президента.

Шахрая называли политиком «завтрашнего и даже послезавтрашнего дня». Тридцатипятилетний молодой юрист, обладавший явным наполеоновским комплексом из-за своего невысокого роста, прибывший из провинции, родившийся в Симферополе и закончивший Ростовский университет, был почти уверен в своей победе. Через несколько лет он откровенно заявит, что готов даже баллотироваться в президенты России, не понимая, насколько ничтожны были бы его шансы.

Лукина характеризовали как человека высокой нравственности и культуры, знающего четыре языка. Но оппоненты справедливо указывали, что, кроме знаний языков и культуры, необходимы еще и чисто организаторские качества.

Затем все кандидатуры были поставлены на голосование. Бабурин набрал больше всех голосов. За него проголосовали 435, против – 548. Хасбулатов получил только 343 голоса, против – 641. Шахрай набрал всего 124 голоса, против было 859, Лукин сумел получить 71 голос «за» и 912 «против». Аржанников получил только четыре голоса, тогда как 979 высказались против. Было принято решение, что во второй тур выходят Бабурин и Хасбулатов.

На следующий день депутаты утвердили Силаева председателем Совета министров РСФСР и снова не смогли избрать председателя парламента. Во втором туре Бабурин полу-

чил 465 голосов, а Хасбулатов – только 405. Стало ясно, что оба политика почти исчерпали свои ресурсы, и за них не готовы голосовать большинство депутатов. После долгих дебатов было принято решение отложить выборы на три месяца, чтобы дать возможность депутатам подумать. Однако все понимали, что подобная уловка была сделана в пользу проигравшего Хасбулатова, ведь формально он оставался исполняющим обязанности председателя, тогда как Бабурин набрал в обоих турах гораздо больше голосов народных депутатов.

Узнав об итогах голосования, Ельцин расстроился и в который раз подумал, что два его самых близких сподвижника вызывают откровенное неприятие у окружающих. Хасбулатов и Бурбулис словно соревновались в том, насколько сильной будет негативная реакция на их выступления. Но пропустить в руководство российским парламентом Бабурина – означало заранее обречь себя на конфронтацию с российским Верховным Советом. Ельцин твердо решил для себя, что будет изо всех сил поддерживать Хасбулатова. Он не мог предполагать, каким кошмаром обернется лично для него избрание этого человека, которое едва не закончится гражданской войной и приведет к человеческим жертвам в октябре девяносто третьего. Но до этого было еще очень далеко.

Ельцин не мог также знать, что поражение его первого заместителя в российском Верховном Совете вызовет неоднозначную реакцию союзных политиков. В этот день вице-президент страны Геннадий Янаев впервые позволил себе сказать Бакланову, что именно он испытывал в Праге, когда подписывал Протокол вместе с пятью другими руководителями восточноевропейских государств.

– Иностранные журналисты просто издевались над нашей делегацией, – пожаловался он Бакланову, – все время спрашивали, как мы реагируем на расширение НАТО. Они расширяются, а мы самоликвидируемся. И при этом еще говорим о новом мышлении.

Бакланов был заместителем председателя Совета обороны и считался одним из высших руководителей страны. Более того, именно ему подчинялся весь военно-промышленный комплекс страны, который он прекрасно знал, работая до этого секретарем ЦК КПСС, курирующим вопросы ВПК, а еще раньше – министром общего машиностроения СССР. Бакланов получал всю военно-политическую и аналитическую информацию, которую готовили и для Горбачева. Но, в отличие от президента, он отчетливо видел и понимал, куда завело страну «новое мышление» Горбачева и абсолютно дилетантская политика бывшего министра иностранных дел Шеварднадзе.

Как человек, допущенный к самым важным секретам государства, он уже имел информацию о том, что руководители восточноевропейских государств, которые с таким воодушевлением говорили о недопустимости создания военных блоков в Европе, уже вели секретные переговоры на предмет вступления их стран в военные структуры НАТО. И это было самым ярким свидетельством полного краха политики, проводимой советским руководством в последние годы.

– Мы уступили американцам в Европе все, что завоевали во время Второй мировой войны, – мрачно сказал Бакланов в разговоре с Янаевым. – Мало того, что сдали Восточную Германию и наших союзников, так еще и умудрились сделать так, что почти все наши бывшие союзники сейчас готовы выступить против нас.

– Я видел, с какой радостью подписывали эти документы Валенса и Гавел, – сообщил Янаев, – и я могу их понять. При коммунистах они сидели в тюрьмах, а сейчас своими руками разрушали блок бывших социалистических стран.

– Вы говорили об этом Михаилу Сергеевичу? – поинтересовался Бакланов.

– Нет, не говорил. Два раза пытался ему рассказать, но он не желает слушать. Я его понимаю, ему неприятны все эти разговоры о нашем поражении.

– А как иначе это назвать? – горько спросил Бакланов. – Вы видели телеграмму венгерского президента по поводу вывода войск?

– Мне дали ее копию, – кивнул Янаев, – я читал и его письмо, и ответ Михаила Сергеевича.

– В газетах уже опубликовали оба письма, – сообщил Бакланов, – а недавно мы узнали, что венгры хотят поставить памятник своему бывшему премьеру Имре Надю, как демократу и человеку, пытавшемуся построить «социализм с человеческим лицом». Сейчас во всех странах бывшего социалистического лагеря подняли голову все, кто так ненавидит нашу страну. А венгерский президент еще вспоминает, как мы их освобождали. Хорошо, что хватило такта не писать о событиях пятьдесят шестого года.

– Они все равно помнят о тех событиях и все время нам напоминают, – вздохнул Янаев. – Я ведь двенадцать лет был председателем Комитета молодежных организаций, а потом еще восемь лет работал в Обществе дружбы и часто ездил в Венгрию. Они до сих пор считают Имре Надя героем и настоящим демократом.

– Нужно было давно рассекретить наши документы, – неожиданно сказал Бакланов, – чтобы они точнее узнали, каким именно демократом и героем был их бывший премьер.

– О чем вы говорите, Олег Дмитриевич, – не понял Янаев, – что именно они должны были узнать?

– Мне Крючков об этом рассказывал, – продолжал Бакланов, – и наш секретарь ЦК Фалин об этом все время просит Михаила Сергеевича, но он все никак не соглашается...

– О чем просит?

– Опубликовать документы из архива КГБ, – пояснил Бакланов. – Если когда-нибудь их опубликуют, венгры узнают, кем был их «герой». Он ведь принимал участие еще в нашей революции семнадцатого года и в Гражданской войне, воевал на стороне красных вместе с Белой Куном и другими товарищами. И еще тогда был завербован органами ГПУ-НКВД, кажется, его кличка была агент Володя. Можете не верить, но он сдал всех своих бывших товарищей, больше тридцати человек, которых в тридцать седьмом – тридцать восьмом годах расстреляли. И венгры об этом ничего не знают. Давно надо было все это опубликовать, а заодно более подробно рассказать о том, как вел себя в венгерских тюрьмах Янош Кадар, которого пытали, вырывая ему ногти, уже в социалистическом государстве. Но он не сдал ни одного из своих товарищей. А на сегодняшний день получается, что Кадар был партократом и ортодоксом, а Имре Надь – «настоящим демократом», выступающим за свободу.

– Нужно все эти документы рассекретить, – решительно произнес Янаев, – пусть они знают, кто есть кто.

– Михаил Сергеевич не разрешает, – пояснил Бакланов, – считает, что это повредит нашим двусторонним отношениям. Я его сколько раз уже просил, но он не дает своего согласия. А сейчас тем более не время. Вы же знаете, что скоро состоится встреча Михаила Сергеевича в Лондоне с «семеркой».

– Именно поэтому нужно было опубликовать эти материалы, – возмутился Янаев, – не бояться показать всему миру правду.

– Президент считает, что не стоит торопиться, – повторил Бакланов.

Янаев промолчал. Он не стал говорить, что его начинала раздражать эта непонятная уступчивость президента западным партнерам, нежелание проводить более активную политику. Он не мог знать, что в это время в своем кабинете председатель КГБ СССР Крючков читал последнее сообщение одного из самых ценных агентов в американском ЦРУ Олдриджа Эймса, известного под кличкой Циклоп. Рядом с ним сидел его заместитель, руководитель Первого главного управления Леонид Владимирович Шебаршин. Оба внимательно изучали послания Циклопа.

– Он пишет о том, что в ЦРУ рассматривают возможность смены Горбачева на другого лидера, – негромко произнес Шебаршин. – Они считают, что Михаил Сергеевич, возможно, исчерпал свой потенциал политика.

Крючков промолчал. Даже в своем кабинете, даже в разговоре со своим заместителем, даже в этом здании, которое так тщательно охранялось, он не хотел ничего говорить или комментировать. Только принял к сведению эту информацию.

– Они считают, что в ближайшие несколько лет республики Прибалтики могут получить признание своих суверенитетов со стороны других государств, – продолжал Шебаршин.

– Нужно сделать специальное сообщение для Михаила Сергеевича, – предложил Крючков. – Не указывая конкретный источник, мы обязаны информировать руководство страны о такой возможности.

Он не сказал, что нужно информировать президента о первом пункте сообщения Циклопа, где указывалось на возможность замены Горбачева другим лидером. Крючков уже давно думал об этом. Нет, конечно, он не мыслил себе государственного переворота или насильственной смены власти. Но он был одним из самых, если не самым информированным человеком в стране и прекрасно знал, что именно происходит во всех республиках Союза. Ежедневно получал сводки из «горячих точек» – Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Ошской долины – и понимал, что нарастание подобных процессов, усугубленных тяжелейшими экономическим и политическим кризисами, рано или поздно могут просто взорвать государство.

– Циклоп подтверждает, что в ЦРУ рассматривается вопрос о распаде нашей страны, – мрачно закончил Шебаршин, – их аналитики пытаются разобрать подобную ситуацию и дать свои предложения.

– Они мечтают об этом уже почти пятьдесят лет, – заметил Крючков, – хотя мы никогда еще не были в таком положении, как сейчас.

– В окружении Михаила Сергеевича есть люди, которых нельзя было и на пушечный выстрел подпускать к вершинам власти, – убежденно произнес Шебаршин.

– Об этом я ему много раз говорил, – вздохнул Крючков. – Сейчас все понимают, насколько некомпетентно, если не сказать больше, работал Шеварднадзе, какой вред принесла партии и государству деятельность Александра Николаевича Яковлева. Но Горбачев упрямо со мной не соглашается. Я и так уже решился выступить на закрытом заседании Верховного Совета, рассказав о том, что в других кабинетах всерьез рассматривают возможность распада нашей страны. Но они посчитали меня перестраховщиком. Я же не имею права указывать источники своей информации.

– Вы должны еще раз переговорить с Михаилом Сергеевичем, – предложил Шебаршин, – он обязательно вас послушает. Нужно, чтобы он более ясно представлял себе сегодняшнюю ситуацию.

– Я ему обо всем докладывал, все сообщения Циклопа были у него на столе. Он не хочет верить, говорит о «новом мышлении». Хотя наши оппоненты не торопятся идти нам навстречу. Кроме слов, мы пока ничего не видим, одни только пустые обещания. Мы и так уже сдали все, что могли сдать. – Крючков с удивлением обнаружил, что произнес подобную фразу, пусть и в разговоре с человеком, которому он абсолютно доверял. Шебаршин пришел в разведку КГБ раньше самого Крюčkова, еще в тысяча девятьсот шестьдесят втором году. И с тех пор почти тридцать лет работал в разведке, пройдя путь до руководителя всей разведки – КГБ СССР. Причем последние двадцать пять лет работал под непосредственным руководством самого Крюčkова, который и выдвинул его на свое место в Первое главное управление и сделал своим заместителем. Однако Крючков никогда не позволял себе какие-либо «лирические отступления» во время обсуждений посланий агентов и впервые в жизни произнес нечто личное.

Шебаршин несколько удивленно посмотрел на своего шефа, а Крючков продолжал:

– Этот Союзный договор, который будут подписывать двадцатого августа, превратит нашу страну в рыхлую конфедерацию, которая, рано или поздно, распадется. – Он достал из папки, лежавшей слева от него, лист бумаги и протянул его своему заместителю.

Это был подробный анализ ситуации, который был сделан аналитической службой. В случае подписания подобного договора Союз переставал быть единым и монолитным государством, а его функции почти полностью переходили к союзным республикам. При этом особо отмечалось, что создание российского КГБ и российского Министерства обороны окончательно разрушит единую систему органов безопасности и приведет к полной дезорганизации Министерства обороны. Не исключалась и возможность введения узаконенных запретов гражданам России принимать участие в конфликтах на территориях других республик, что означало фактический развал армии. Шебаршин дочитал этот документ и, вернув его Крючкову, спросил:

– Владимир Александрович, вы покажете его Горбачеву?

– А ты как считаешь? – неожиданно оживился Крючков.

– Думаю, что нужно показать.

– Конечно, покажу. Сейчас не хочу его беспокоить перед поездкой в Лондон на встречу с «семеркой». А вот когда вернется, обязательно зайду к нему и покажу этот документ. Заодно расскажу и про последнее сообщение Циклопа, – пообещал Крючков.

Когда Шебаршин ушел, он долго сидел за столом, словно раздумывая и решая, как ему поступить. Затем снова достал из папки справку, подготовленную аналитической службой, и снова начал читать, будто пытался найти нечто, ускользнувшее от его внимания. Потом поднял трубку и набрал номер начальника девятого управления КГБ СССР генерала Плеханова.

– Юрий Сергеевич, зайди ко мне, – попросил он.

Юрий Сергеевич Плеханов был начальником Службы охраны КГБ СССР. На работу он пришел вместе с Андроповым и Крючковым. Сначала работал референтом в ЦК, а с шестьдесят пятого по шестьдесят седьмой – секретарем ЦК. Затем перешел в КГБ вместе со своим патроном, где в течение трех лет был старшим офицером приемной председателя КГБ СССР. А потом переведен начальником отдела, где и проработал до восемьдесят третьего года. В 1983 году его назначили начальником девятого управления. В прошлом году ему исполнилось шестьдесят, но Крючков не торопился отправлять генерала на пенсию, считая его одним из самых доверенных своих сотрудников.

Когда Плеханов вошел в кабинет, Крючков поднялся, чтобы пожать ему руку, и показал на стул. Затем сел рядом с генералом, словно их могли подслушать, и показал справку аналитического отдела:

– Почитай.

Плеханов внимательно прочел бумагу и молча положил ее на стол. Он вообще не любил многословия.

– Нужно принимать меры, – негромко произнес Крючков.

Плеханов посмотрел ему в глаза. Два бывших партийных работника, почти три десятка лет работающие в таком ведомстве, как КГБ. Это не могло не сказаться на их характерах. К тому же оба были пожилыми людьми.

– Следует продумать систему более тщательной охраны высших лиц государства, – все так же тихо продолжал Крючков, – совместно с нашим двенадцатым отделом.

Двенадцатый отдел КГБ СССР занимался прослушиванием помещений и телефонных разговоров, установкой специальной аппаратуры. Слова Крюčkова означали приказ начать установку специальной аппаратуры в помещениях, занимаемых высшими должностными лицами страны. Плеханов знал, что подобная аппаратура была уже установлена в квартирах некоторых бывших высших должностных руководителей, в том числе у Шеварднадзе и Яковлева. Знал он также и о том, что в Белом доме, в здании, занимаемом российским парламентом, находился целый отдел для прослушивания всех разговоров. Отдельно прослушивались все возможные разговоры Ельцина. Но теперь Крючков отдавал приказ о возможной прослушке высших должностных лиц, находившихся у власти. Плеханов не колебался ни минуты,

абсолютно доверяя начальнику. Крючков много лет доказывал свою верность партии и государству, будучи самым верным и лучшим учеником Андропова.

– Мы плотно контролируем все разговоры, – сообщил Плеханов.

– Не привлекая к этому офицеров других отделов, – напомнил Крючков. – Нужно определить минимальное число людей, допущенных к работе с этой техникой.

– Разумеется.

– И особо обратите внимание на Новоогарево, – предложил председатель КГБ, – они там обычно собираются все вместе и часто выдают свои замыслы, сами того не подозревая.

– Я вас понял, Владимир Александрович, – кивнул Плеханов, – все будет сделано как нужно.

– Это и в помощь Михаилу Сергеевичу, – на всякий случай сказал Крючков. А копии можно, как и раньше, передавать Болдину.

Он иногда позволял себе упоминать в особо секретных донесениях о некоторых разговорах подобного типа, полученных с помощью прослушивания. Горбачев понимал, что эти разговоры могли быть получены КГБ только с помощью скрытой прослушки, но никогда не задавал никаких неприятных вопросов, внимательно знакомясь с подобными сообщениями. Особенно всего, что касалось Ельцина. Приказав передавать записи Болдину, Крючков страховался на случай возможного обнаружения записывающих устройств.

Плеханов поднялся и вышел, а Крючков пересел на свое место. Затем убрал справку в папку, туда же положил и последнее донесение Циклопа. Это была его личная папка, которую не имели права открывать даже старшие офицеры его приемной, даже его заместители.

Ремарка

«Как мы меняемся, как будем меняться дальше – это одна из тем дня для Лондона. Но мы рассчитываем на встречное движение других государств, ибо сегодня много всяких ограничений. Это следствие определенной политики. Нередко данные ограничения принимались еще в ходе «холодной войны». И они пока остаются, мешают – это ведь барьеры на пути широких взаимовыгодных международных связей... Нам предстоит большой разговор. Однако если кто-то из вас до сих пор думает, что Горбачев едет в Лондон, чтобы там на колени встать и молить о помощи руководителей ведущих развитых государств, то это несерьезно. Я думаю, что мы заинтересованы, чтобы процесс, который выльется в экономической сфере, в политике в новые формы сотрудничества, будет сопровождаться переменами глобального характера. Важно, чтобы он опирался еще и на прочную базу экономического сотрудничества. Поэтому надеюсь, что будет достигнуто взаимопонимание, и мы пойдем навстречу друг другу... Наше обновленное законодательство, программа движения к рынку, к смешанной экономике, отказ от тоталитарного господства государственной собственности создают условия, при которых все формы собственности будут равноправны, одинаково надежно защищены государством, Конституцией. Будет у нас, конечно, и государственный сектор, и, наверное, немалый, но будет активно проходить и акционирование, народ проявляет к этому интерес. Люди за то, чтобы стать хозяевами. Они только не хотят, чтобы богатства, накопленные поколениями советских людей, попали в руки воротил теневой экономики или различных дельцов».

Пресс-конференция президента СССР М.С. Горбачева перед поездкой в Лондон

Ремарка

«В то время, когда советский и западный лидеры готовятся к намеченной встрече на высшем уровне, становится все более очевидным, что им,

возможно, придется срочно заняться проблемой гигантской задолженности Советского Союза и имеющегося у него дефицита твердой валюты. Советские должностные лица недавно подсчитали, что в настоящее время внешняя задолженность их страны составляет 70 миллиардов долларов, увеличившись с 60—65 миллиардов долларов с конца прошлого года. 25—30 процентов от общей суммы долга должно быть погашено уже в этом году».

«Нью-Йорк таймс», 1991 год

Ремарка

«Бывший старший советник президента СССР академик Александр Яковлев переходит на новую должность – председателя московского общественного собрания. Этот новый форум общественности советской столицы задуман в качестве «круглого стола» представителей всех партий, различных общественных фракций и Советов. Яковлев заявил, что пока не решил для себя вопрос о выходе из рядов Коммунистической партии, полагая, что все нужно делать своевременно и он не готов последовать примеру Эдуарда Шеварднадзе».

Сообщение ТАСС

Ремарка

«Центральная контрольная комиссия ЦК КПСС приняла решение о начале расследования в отношении бывшего министра иностранных дел Э. Шеварднадзе. Корреспонденту агентства «Франс Пресс» он сказал, что «решение это не серьезно». Отвечая на вопросы «Рейтер», он сказал, что это расследование ставит его в сложное положение, он все еще член Центрального Комитета, но не исключено, что придется покинуть и этот пост. «Надо все хорошо взвесить. Приеду домой – подумаю, – заявил он журналистам. – В то время, как мы говорим, что советские люди свободны и имеют право открыто высказывать свои суждения, устраиваются расследования только лишь из-за того, что человек сказал то, что думает. Теперь я стал настоящим демократом», – добавил Эдуард Амвросиевич.

Сообщение «Рейтер»

Ремарка

«Бывший член Политбюро ЦК КПСС, бывший министр иностранных дел СССР, бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии, бывший министр внутренних дел Грузии Эдуард Шеварднадзе объявил о своем выходе из рядов Коммунистической партии. «Проводимые реформы не дали положительного результата, а моя травля была сознательно организована консерваторами, мечтающими перетянуть на свою сторону руководство страны. В создавшейся ситуации я не вижу смысла оставаться в рядах Коммунистической партии», – сказал Шеварднадзе. Вместе с тем независимые аналитики указывают на абсолютно провальные достижения бывшего лидера внешнеполитического ведомства, который, говоря о приоритетах «нового мышления», не умел отстаивать интересы государства, доверившего ему подобный высокий пост».

Сообщение «Интерфакс»

Глава 5

Работы было много. Эльдар Сафаров вместе с остальными сотрудниками отдела проверяли невероятное количество документов, указов, приказов, посланий, просто распоряжений на предмет их юридической обоснованности. Приходилось приезжать на работу к половине десятого и уезжать около восьми часов вечера. Но никто не жаловался, все понимали, что необходимо работать именно в таком режиме, чтобы успеть провести юридическую экспертизу всех статей проекта нового Союзного договора.

В середине июля большая делегация во главе с президентом СССР отправилась на встречу с руководителями ведущих семи стран Запада, и все газеты написали о встрече «7 плюс 1». В эти дни работы еще больше прибавилось, так как все правовые службы не только администрации президента, но и Кабинета министров, Верховного Совета рассматривали документы, которые вытекали из возможного проекта Союзного договора.

И именно в один из таких дней в отделе началось самое настоящее противостояние, когда Элина Никифоровна в крайне резкой форме высказалась против проекта нового Союзного договора, обратив внимание на возможную аморфность союзного руководства и союзных органов власти. Кирилл Снегирев не согласился с мнением Дубровиной.

– Если бы этот проект был подготовлен в прежние времена, возможно, союзное руководство могло бы резко возражать против него. Но сегодня слишком реально стоит вопрос о выходе ряда республик из состава Союза, а союзной власти нужно любым способом удержать эти республики в составе СССР.

– В прежние времена за разговоры о таком договоре могли поставить к стенке, – хмыкнул циничный Тулупов. Он был высоким, худощавым, похожим на стрекозу, а когда говорил, кадык его ощутимо двигался.

– Но теперь этот договор готовит союзная власть, – вмешался Эльдар, – и все понимают, что его подписание необходимо именно союзным органам власти и нашему президенту, чтобы избежать возможного распада.

– Я вас не понимаю. – Дубровина была в молодости достаточно привлекательной женщиной, но с годами располнела, лицо утратило прежние черты, глаза стали маленькими, колючими, цепкими, а располневшие щеки делали ее похожей на агрессивного сурка. К тому же она была невысокого роста. – Я не понимаю, – повторила она, – о чем вы говорите. Этот проект разрабатывается только потому, что союзное правительство вынуждено идти на компромисс, когда его терзают со всех сторон: сепаратисты из Прибалтики, националисты с Кавказа, наши демократы в Москве... Что вы еще хотите? Это вынужденное отступление. Может, нужно пока удержать республики в едином государстве, чтобы потом разобраться с каждой из них в отдельности.

– Значит, мы участвуем в грандиозном обмане, – не унимался Снегирев. Несмотря на относительно молодой возраст, он уже начал лысеть и зачесывал редкие рыжеватые волосы так, чтобы не видна была появившаяся плешь.

– Это не обман, а стратегический маневр, – отрезала Дубровина, – и, пока не закончится противостояние с российскими демократами, мы не имеем права сомневаться в целесообразности этих документов.

– Тогда нужно сказать, что Союзный договор превращает нашу страну в непонятную полуконфедерацию, – добавил Кирилл.

– Да, – окончательно разозлилась Элина Никифоровна, – я тоже прекрасно вижу несовершенство этого проекта. И все нормальные юристы его видят. Но тогда подскажите нам, Снегирев, как можно удержать все республики в составе Союза? И как договариваться с Ельциным, если он сознательно идет на конфликт с союзной властью?

– А может, не нужно никого удерживать? – пожал плечами Тулупов. – Насильно мил не будешь. Если кто-то хочет уходить – скатертью дорога. Зачем их удерживать, если они не хотят жить рядом с нами?

– Александр Гаврилович, надеюсь, что вы, как обычно, шутите, – нахмурилась Дубровина.

– В каждой шутке есть только доля шутки, – иронично заметил Тулупов, – а насчет удержания я прав. Прибалтов мы уже все равно не удержим никакими, даже самыми лучшими договорами. Да и грузины при Гамсахурдиа не захотят с нами разговаривать, особенно после апреля восьмьдесят девятого. Я еще удивляюсь, что Эльдар готов с нами работать. Их республика еще пока не выходит из состава Союза, но тоже скоро отсюда попросится. Они нам не простят января девяностого.

– Вы тоже так считаете? – неожиданно спросила Элина Никифоровна, обращаясь к Сафарову.

– Это была ужасная трагедия, – сказал Эльдар, – но в Баку все понимали, что виноваты не русские, а сама система. И вошедшая армия была не русской армией, а советской.

– Вы не ответили на мой вопрос, – настойчиво повторила Дубровина. – Считаете, что Азербайджан тоже может выйти из состава Союза?

– Мои соотечественники не ставят вопрос столь радикально. Но любой народ мечтает о свободе и независимости, хотя мы все прекрасно понимаем, насколько вырос наш культурный и промышленный потенциал, пока мы были в составе единого государства.

– Вот это верно, – удовлетворенно произнесла Элина Никифоровна. – А вы, Снегирев, напрасно все время спорите.

– Получается, что я за проект Союзного договора, а вы все против, – улыбнулся Кирилл.

– Нет, – жестко ответила Дубровина, – просто мы понимаем ущербность и компромиссный характер этого договора, а вы делаете вид, что он вас вполне устраивает. Займитесь своей работой и перестаньте спорить, – посоветовала она.

Эльдар запомнил этот спор. Через два дня Дубровина передала ему пакет документов и приказала отнести в приемную самого Болдина. Сафаров забрал документы и отправился по коридору к кабинету руководителя президентской администрации. Сидевшая за столом милостивая девушка забрала у него документы и предложила подождать, пока придет сам Валерий Иванович. Он был у президента и должен был завизировать документы, отправив их обратно в юридический отдел.

Сафаров терпеливо ждал, сидя на стуле, когда в приемную вошли двое военных. Можно было даже не смотреть на их погоны, он знал обоих в лицо. Поднявшись со стула, Эльдар вежливо поздоровался. Оба военных кивнули ему, проходя в кабинет Болдина. Очевидно, их пригласили к президенту, и они решили зайти к руководителю его администрации, перед тем как отправиться на прием к самому главе государства.

Девушка-секретарь быстро подняла трубку и попросила принести две чашки кофе. Сафаров не мог знать, о чем говорят пришедшие. Один из них был министром обороны маршалом Язовым, второй – начальником Генерального штаба генералом армии Моисеевым. Возможно, они зашли сюда, чтобы дожидаться военного советника президента маршала Ахромеева, который должен был зайти за ними, перед тем как они отправятся к Горбачеву. Через несколько минут пришел и Ахромеев. Поздоровавшись, он направился прямо в кабинет Болдина.

В приемной появилась девушка, неся на подносе три чашки с кофе, и быстро прошла в кабинет. Пока двери кабинета открывались и закрывались, Эльдар слышал голос маршала Ахромеева.

– Я вас совсем не понимаю, Михаил Алексеевич, – говорил маршал, – как вы могли пойти на подобное сокращение?

И хотя после этих слов дверь плотно закрыли, Эльдар успел понять, что Ахромеев говорил о сокращении обычных вооружений в Европе, о которых договаривались во время визита в США Бессмертных и Моисеев, проводившие переговоры с Бейкером, Чейни и Пауэллом. Он был одним из тех, кто категорически возражал против радикального сокращения советских вооруженных сил в Центральной Европе и вообще в европейской части Советского Союза. После объединения Германии и развала блока стран Варшавского договора Советский Союз должен был выводить свои войска из Польши, Венгрии и Восточной Германии. При этом войска НАТО продвигались к границам Польши и, как полагали военные аналитики, могли со временем пройти и эту границу, приняв в свои ряды Польшу и выйдя непосредственно на общую границу с Советским Союзом.

Именно поэтому военные так решительно возражали против сокращения обычных вооружений в Европе, ведь блок НАТО не только не собирался самоликвидироваться, а, наоборот, продвигался к границам их государства. Но политики не желали их слушать и слышать. Шеварднадзе вообще не считался с мнением военных, а Язов не имел такого авторитета, чтобы спорить с министром иностранных дел. В отличие от Устинова, который считался столпом Политбюро и одним из реальных руководителей страны вместе с Громыко и Андроповым, Язов был всего лишь исправным служакой и не имел никакого политического веса. После позорного снятия из-за глупого полета Руста маршала Соколова случайно получивший министерский пост Язов старался вести себя как можно тише и не возражал против любых предложений, исходивших от партийного и советского руководства.

Но Ахромеев оказался совсем не таким. Он был слишком честным и порядочным человеком, чтобы молчать в подобной ситуации. Слишком прямолинейным и компетентным. Поэтому резко выступал против сокращения обычных вооружений в Европе и особенно негодовал, когда советские ракеты средней дальности отправлялись в металлолом, тогда как американцы сохраняли свой огромный потенциал почти нетронутым. Однако Язов и Моисеев не решались спорить с политиками, а безвольный Бессмертных всего лишь продолжал политическую линию предыдущего министра и только фиксировал все более и более ухудшающиеся позиции Советского Союза в мире.

В приемной появился Болдин и с некоторым недоумением посмотрел на вскочившего с места Сафарова.

– Что вы здесь делаете?

– Я принес документы на подпись, – пояснил Эльдар.

– Почему не Дубровина? – еще более мрачно спросил руководитель администрации президента. Он любил порядок, а это было явное нарушение субординации.

– Она уехала в Верховный Совет по вашему поручению, – напомнил Сафаров.

– Она должна была поехать туда вчера, – возразил Болдин, обладавший цепкой памятью, как настоящий аппаратчик.

– Она была вчера там, но документы не успели подготовить, и поэтому Элина Никифорова поехала и сегодня. Позвонил Черняев и сказал, что все эти документы нужны очень срочно, – пояснил Сафаров.

Черняев был помощником Горбачева и одним из его самых доверенных лиц. Болдин знал, что многие личные поручения Горбачев отдавал через Черняева, и это раздражало и неприятно било по его самолюбию, но он предпочитал делать вид, что ничего не происходит.

– В следующий раз пусть появляется сама, – резко сказал он, поворачиваясь и входя в свой кабинет.

На этот раз Эльдар услышал голос начальника генерального штаба Моисеева.

– Я согласен с вами, Сергей Федорович, но мы не можем настаивать на таких параметрах, иначе американцы могут прервать переговоры.

Через пару минут в кабинет вошла секретарь и вынесла документы.

– Все готово, – улыбнулась она молодому сотруднику. Эльдар ей нравился. Этот симпатичный кавказец был совсем не похож на других сотрудников, зашоренных клерков с унылыми, скучными лицами.

Идя по коридору, Сафаров успел заметить, как следом за ним в коридор выходят все еще продолжавшие разговаривать Ахромеев и Моисеев. Болдин тоже был с ними, провожая их до приемной президента, которая находилась недалеко от его приемной.

Эльдар вернулся к себе и на пороге столкнулся с Тулуповым.

– Почему так долго? – спросил тот.

– Ждал Валерия Ивановича, – ответил Сафаров.

– Забери документы у меня на столе и просмотри их, – предложил Тулупов. Он был старше Эльдара лет на двадцать и поэтому обращался к нему на «ты». – Я пойду к Черняеву, там есть еще документы для нас.

Войдя в кабинет, Сафаров забрал документы со стола Тулупова. Кажется, скоро они утнут в этих бумагах. Четырех человек на такую гору документов явно маловато, нужно расширять отдел хотя бы до шести человек. Он просматривал документы, когда на его столе раздался телефонный звонок. Эльдар снял трубку и очень обрадовался, услышав знакомый голос. Это был генерал Сергеев, заместитель начальника московской милиции, с которым они подружились еще полгода назад, во время утверждения Сафарова в должности.

– Забыл про нас, грешных, – весело начал Сергеев. – Ты теперь у нас такая величина, что до тебя и не докричаться.

– Просто много работы, – честно ответил Эльдар, – но я очень рад твоему звонку.

– Жена меня все время спрашивает, когда мы снова увидимся, – хмыкнул в трубку Сергеев. – Кажется, она нашла какую-то красивую молодую женщину, с которой мечтает тебя познакомиться.

– Спасибо, – сдержанно проговорил Сафаров.

– И еще хочу сообщить об этом расследовании, которое началось с твоей подачи, – продолжал Сергеев. – Банкиру Эпштейну грозит реальный тюремный срок. Прокурор Гриценко вцепился в их банк, как настоящая гончая собака, и не отпускает до сих пор. Там уже восемь арестованных.

Эльдар вспомнил о банкире, виновном в убийстве своего родственника, и нахмурился. Все последние дни он старался вычеркнуть из памяти этот прискорбный случай, но не мог. Ведь дело банкира было связано не просто с крупными хищениями в банке «Эллада», а и с убийством брата Светланы Игоревны Скороходовой, с которой он познакомился при весьма странных обстоятельствах, когда она сбила его на своей машине в первый день его появления на работе.

– Скоро дело передадут в суд, – сказал в заключение Сергеев, – но, надеюсь, мы с тобой увидимся еще до этого.

– Обязательно, – согласился Эльдар, – я сам позвоню тебе в воскресенье. К сожалению, по субботам мы тоже работаем. У нас действительно слишком много дел.

– Мы тоже работаем по субботам, – рассмеялся Сергеев, – ничего. Может, ты все-таки захочешь сойти со своего олимпа, чтобы пообщаться с простыми смертными?

Через полчаса, когда Эльдар снова вышел в коридор, он увидел уходивших военных. Кроме троих военачальников, там был еще один высокий военный. Все четверо молчали, очевидно, не совсем довольные состоявшимся разговором у президента. Мимо них проходил Тулупов и посторонился, пропуская военных. Затем двинулся дальше.

– Кто это был? – спросил у него Сафаров, когда Тулупов подошел к нему.

– Язов со своей ватагой, неужели не узнал? Его мощную фигуру теперь почти каждую неделю показывают по телевизору.

– Узнал, – кивнул Эльдар, – и двоих других тоже знаю. Ахромеева и Моисеева. А этот высокий мужчина, кто он?

– Варенников. Валентин Иванович Варенников. Заместитель министра обороны и Главнокомандующий сухопутными войсками. Между прочим, он со своим гренадерским ростом был знаменосцем на Параде Победы в сорок пятом. А сейчас его Язов специально водит с собой. Его и Ахромеева. Язов с Моисеевым не решаются спорить с президентом, защищать военных в Политбюро и отстаивать свою точку зрения. Боятся за свои места. А Варенников и Ахромеев не боятся спорить с нашими дипломатами и партийными деятелями. Они вообще считают, что Шеварднадзе давно нужно было гнать из МИДа за его просчеты.

Ремарка

«Министр обороны США Ричард Чейни и председатель Комитета начальников штабов американских вооруженных сил Колин Пауэлл высказались за ратификацию Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Они выступили на слушании в сенатском комитете по иностранным делам конгресса США, на котором рассматривался вопрос о ратификации соглашения. «Быстрое претворение в жизнь Договора об обычных вооруженных силах в Европе в значительной степени отвечает нашим интересам, – подчеркнул Чейни. – Это соглашение представляет собой крупный вклад в будущую безопасность Соединенных Штатов и Европы».

Сообщение ЮПИ

Ремарка

«Президент Соединенных Штатов Джордж Буш заявил, что все технические разногласия по договору СНВ практически устранены: «Это хорошая сделка. Наши военные уверены, что она в интересах США, и эта договоренность должна пройти через Сенат на всех парусах». Отвечая на вопрос, можно ли назвать СССР союзником США или они остаются противниками, президент США ответил, что «пока у нас развернуты ракеты – мы должны быть реалистами. Союзники не стоят на таких позициях. Но мы продвигаемся вперед. И у нас дружественные отношения. У нас, безусловно, есть проблемы, но мы стараемся их решать».

Сообщение Си-эн-эн

Ремарка

«Сейчас уже становится очевидным, что баланс сил между Советским Союзом и Соединенными Штатами был серьезно нарушен в центре Европы благодаря усилению НАТО и развалу коалиции стран Варшавского договора. Ожидаемый визит в Москву президента США должен отрегулировать лишь ситуацию в области стратегических наступательных вооружений, тогда как по обычным вооружениям на Европейском континенте Советский Союз уже окончательно и, похоже, навсегда упустил свое преимущество. Шестьдесят тысяч танков, которые грозно нависали над Западной Европой постепенно превращаются в груды металлолома, уже непригодного для военного использования».

Сообщение ЮПИ

Ремарка

«В Москву с официальным визитом прибыл председатель Комитета начальников штабов Вооруженных сил США генерал Колин Пауэлл. В тот же день он встретился и провел переговоры с начальником Генерального штаба

Вооруженных сил СССР, генералом армии Михаилом Моисеевым, а также с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Дмитрием Язовым. Генерал Пауэлл подчеркнул, что его новый визит послужит дальнейшему укреплению взаимопонимания между СССР и США, стабильности на планете».

Сообщение ТАСС

Глава 6

Горбачев вернулся из Лондона в плохом настроении. Все советские газеты написали о прорыве в отношениях Советского Союза с Западом, о встрече советского президента с руководством развитых западных стран, о возможном сотрудничестве. Но сам Горбачев прекрасно понимал, что его визит носил лишь декоративный характер и не имел никаких долговременных последствий. В последний день визита они с Раисой Максимовной даже побывали у бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и удостоились чести быть на приеме у королевы Елизаветы. Тэтчер не скрывала, что озабочена трудностями, с которыми сталкивается советский президент в своих внутренних делах, и советовала продолжать проводить радикальные экономические и политические реформы, не сворачивая с этого пути.

Почти семь лет назад именно она впервые поверила, что с молодым советским руководителем можно иметь дело. Именно она – первая среди западных лидеров – осознала возможный потенциал этого относительно молодого члена Политбюро, который занимал при больном и дряхлом Черненко роль его своеобразного преемника, и всегда старалась поддерживать Михаила Сергеевича, доказывая другим западным лидерам, что с этим человеком можно иметь дело. Все эти годы ей казалось, что она не ошиблась. Однако события последних лет, особенно январские события в Вильнюсе, несколько подточили ее веру в демократизм и либеральные реформы Горбачева. Но она продолжала упрямо твердить о необходимости поддержки Михаила Сергеевича на международной арене. Он встретился и с ее преемником – Джоном Мэйджором, который был весьма любезен, но так ничего конкретно и не сказал. Все были готовы его слушать, вежливо улыбаться, соглашаться с его высказываниями, даже говорить о своей поддержке, но не предлагали ничего конкретного. Разве только Коль был готов на любую помощь Советскому Союзу. И его можно понять. Осложнения в СССР сказывались на экономическом положении самой Германии, в которой после объединения с восточными землями хватало и своих проблем. Курс марки напрямую зависел от положения в СССР, ведь в Восточной Германии все еще находился многотысячный контингент советских войск.

Западные газеты упражнялись в нападках на Горбачева за его неудачный визит в Лондон. Словно прочувствовав ситуацию и решив, что настало время взять удобный реванш, точно через три дня после возвращения Горбачева из Лондона Борис Николаевич Ельцин издал Указ президента России о департизации. В свое время именно после неудачи Ельцина в Страсбурге Горбачев перешел в наступление, заставив своего оппонента пойти на соглашение по Союзному договору. Теперь явная неудача в Лондоне обернулась Указом Ельцина о департизации. Весь парадокс был в том, что президент страны был не только руководителем государства, но и Генеральным секретарем Коммунистической партии и обязан был каким-то образом реагировать на подобный выпад.

Болдин принес указ президента России и молча передал его Горбачеву. Не было произнесено ни слова. Михаил Сергеевич открыл папку и, морщась словно от зубной боли, прочел указ. В нем говорилось, что через четырнадцать дней прекращается всякая организационная деятельность структур политических партий и массовых общественных организаций в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР. Указом не допускалось создание новых и деятельность прежних партийных структур в органах государственного управления РСФСР на всей территории республики, а также в государственных учреждениях, организациях, концернах, ведомствах, расположенных на территории РСФСР, независимо от их подчиненности. Исполнительным органам власти было поручено до первого октября пересмотреть все нормативные акты, принятые совместно с органами политических партий и массовых общественных движений.

Самое поразительное, что в указе Ельцина был еще один абсолютно возмутительный пункт, в котором рекомендовалось Верховному Совету РСФСР рассмотреть вопрос о внесении в союзный парламент законопроекта о запрете функционирования организационных структур политических партий в Верховном суде СССР, Комитете конституционного надзора СССР, Генеральной прокуратуре СССР, в вооруженных силах и частях Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР.

Горбачев с понятным раздражением отодвинул от себя папку. Болдин терпеливо ждал. Президент сделал знак рукой, позволяя ему сесть, затем поднял трубку и позвонил Лукьянову.

– Ты уже слышал об указе Ельцина? – поинтересовался он.

– Сейчас читаю, – ответил Лукьянов.

– Что об этом думаешь?

– Это объявление войны, – убежденно произнес Лукьянов. – Он прекрасно понимает, что за две недели нельзя убрать все парткомы и распустить партийные организации, невозможно провести массовую департизацию в такой короткий срок. И до первого октября тоже невозможно успеть. Я всегда говорил, что он не собирается подписывать новый проект Союзного договора и сделает все, чтобы сорвать подписание. Или найдет в нем соответствующие просчеты и недостатки, чтобы затем использовать их в своей новой деятельности. Нужно проводить очень тщательную юридическую экспертизу всех наших документов.

– Думаешь, он может отказаться от подписания Союзного договора? – неприятно поразился Михаил Сергеевич.

– Он может сделать все что угодно, – ответил Лукьянов, – и нам нужно быть готовыми к его очередным выкрутасам. Вы же видите, что он сделал, как только его избрали президентом. Дальше будет еще хуже.

– Что ты советуешь?

– Обратимся в Комитет конституционного надзора, – предложил Лукьянов. – На время рассмотрения его указа пусть отменит действие этого закона или хотя бы перенесет сроки его исполнения. Но нам понадобится официальное обращение Секретариата ЦК, как высшего органа партии.

– Мы это организуем, – пообещал Горбачев.

Он попрощался и положил трубку. Посмотрел на сидевшего в его кабинете Болдина.

– А ты что об этом думаешь?

– Он сделал нам подарок к очередному Пленуму, – сказал Болдин. – Можете себе представить, какой будет реакция секретарей обкомов на этот указ.

Горбачев еще раз внимательно посмотрел на него и потянулся к трубке. Он хотел позвонить своему заместителю Ивашко, но в последний момент передумал. Ивашко не пользовался авторитетом даже среди украинских секретарей обкомов. И уж тем более он не мог бы ничего решить с российскими партийными главами регионов, многие из которых все еще сохраняли на местах реальную власть. Вместо Ивашко он позвонил Шенину. Горбачев не просто выдвигал этого способного человека в секретари ЦК КПСС. Он считал, что на съезде Шенин сможет заменить Ивашко и руководить партией как первый заместитель Генерального секретаря.

– Олег Семенович, здравствуй, – начал Горбачев.

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич, – ответил Шенин.

– Читал постановление Бориса Николаевича о департизации в Российской Федерации?

– Читал, конечно. Мы все читали, и все возмущены его очередным выпадом против партии, которой он стольким обязан.

– Что думаете делать?

– Не выполнять его распоряжений. Я уже говорил с нашими юристами. Указ президента России не может являться основанием для пересмотра ситуации в Российской Федерации, пока она входит в состав Советского Союза. Приоритет союзных законов над российскими очевиден.

– Приезжай ко мне, нам нужно поговорить, – сказал Горбачев и положил трубку.

– Это все из-за лондонских встреч, – решил подать голос Болдин, – многие считают, что Ельцин решил использовать ситуацию.

– Выбрал нужный момент, – нахмурился Горбачев, – наши западные партнеры тоже хороши. Только болтают, и ничего конкретного.

– Буш скоро приезжает в Москву, – напомнил Болдин, – на подписание договора. Можно будет показать это подписание как итог нового мышления, итог нашей новой политики.

– Это их уже не остановит, – отмахнулся Горбачев. – У меня были наши военные. Ахромеев вообще считает, что мы не должны торопиться из-за явного дисбаланса в Европе, а Варенников просто требует заморозить все наши отношения с Западом и наращивать нашу группировку в Европе. Они все еще мыслят устаревшими категориями. Моисеев тоже хорош. На встречах в Америке соглашается на все инициативы американцев, а, попадая в Москву, к своим, начинает говорить совсем иное.

– Туда он летает вместе с работниками МИДа, а здесь он в своей привычной среде, – пояснил Болдин.

Раздался телефонный звонок. Горбачев недовольно посмотрел на аппарат, снял трубку и, услышав голос председателя КГБ, поморщился. Этот тип уже давно его нервировал.

– Михаил Сергеевич, извините, что беспокою вас, – начал Крючков. – Дело в том, что опять звонит Борис Николаевич. Он требует определиться с созданием российского Комитета государственной безопасности. Говорит, что у независимой России должны быть свои органы госбезопасности и обороны. Я ему уже в третий раз пообещал, что мы рассмотрим этот вопрос.

– Зачем ему свой КГБ? – разозлился Горбачев. – Они еще называют себя демократами! Скажи ему, что этот вопрос так просто не решается. Нужны кадры, техника, люди, финансовые возможности. А у нас сейчас нет никаких возможностей создавать новые министерства. Как будто он не знает, что мы каждый день ищем деньги на исполнение бюджета.

– Я хотел бы к вам зайти, – попросился на прием Крючков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.